С ПРАЗДНИКОМ ПЕРВОГО МАЯ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

За мир, за исключение войн из жизни общества на вечные времена!



ОГОНЁК

№ 18 МАЙ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДРУЖБА.

Плакат Н. Батолиной

На первой и последней страницах обложки: 1 Мая в Москве.

Фото В. Тарасевича.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 18 (1715)

1 МАЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МАЙ

Марк МАКСИМОВ

Мы побратались так, что, право,
хоть разливай, хоть разнимай:
я, человек с весенним нравом,
и он, веселый месяц Май.

Восходит дружба наша к дедам,
к маевке той среди дубов,
где в первый раз вступил в беседу
весь мир голодных и рабов.

И передал свои винтовки
Май
    Октябрю
        через года,
и вышли из лесу маевки,
как партизаны, в города.

Когда я детство вспоминаю,
то, повторяясь, как в кино,
все в ногу с Маем,
        с Маем,
            с Маем
по площадям идет оно.

Цветы.
    Фанфары — к небосводу,
весна и дети — впереди...
Потом подряд четыре года
гудит земля, земля гудит...

Идем по вражескому следу,
деля сухарь, что каравай,
я, рядовой полка Победы,
и мой однополчанин Май...

А Май в весеннем сорок пятом
кричит: «Ребята, по домам!..»
Весна — к весне! Растут ребята,
и я их детства не отдам!

Мы с миром так сошлись по нраву,
что хоть водой нас разливай:
я, гражданин своей державы,
и он, всемирный месяц Май.

Мы оба отданы заботе,
чтоб мир снега не замели.
Мы оба на одной работе —
по обновлению Земли.



ПРАЗДНИК МИРА И ТРУДА

Вот и еще один Май — радостный, светлый праздник, полный солнца, тепла, весеннего цветения.

Вспоминая прошлогодний Май, мы можем с полным правом сказать, что год прошел недаром, что советские люди славно потрудились, добились многого, достигли новых вершин и обозревают пройденный путь с чувством законной гордости.

Май — это мир, единение, дружба! Наша страна — знаменосец мира. К нашей стране устремлены с надеждой и упованием взоры всех, кому ненавистны гнет, насилие, войны, всех, кто хочет жить, радуясь жизни.

Силы тьмы отступают. Еще кое-где рыцари атомной бомбы заявляют о своем существовании, но это уже — будем верить! — судороги тяжело раненного зверя.

Восторженно встречали Никиту Сергеевича Хрущева в Соединенных Штатах Америки, в Индии, в Индонезии, Бирме, Афганистане, во Франции, и слова «мир и дружба» стали желанным лозунгом миллионов людей всех рас. Жить в обстановке «холодной войны», жить в напряженном страхе больше нельзя, невозможно — сознание это проникло в сердца народов!

И мы можем законно гордиться тем, что именно наша страна явилась провозвестником новой эры в истории человечества, когда острые вопросы и проблемы будут разрешаться не на полях ожесточенных битв, а за столами международных конференций и встреч.

Май — это не только праздник дружбы, но и праздник труда! Советский Союз — государство свободных тружеников являет всему миру образцы высокосознательного социалистического отношения к труду. Наша наука, развивающаяся в обстановке общенародного внимания и заботы, дала миру победителей космоса. Наш героический рабочий класс дал Валентину Гаганову и тысячи Гагановых — невиданное явление в истории человеческого общества! Наше колхозное крестьянство трудится на просторах социалистических полей и добивается таких успехов, какие показались бы сказочными для наших отцов и дедов, гнувших спину на узких полосках индивидуального, мелкособственнического хозяйства. Цветет жизнь в нашей стране, становится все краше и радостней, и нет таких уголков на советской земле, которые не были бы охвачены этим цветением!

Но Май — это и борьба! Мы зрим воочию, как рушатся бастионы колониального рабства, как становятся в строй свободных государств ранее угнетенные народы Африки и Азии. Никакие ухищрения колонизаторов не в состоянии остановить это всепобеждающее движение!

Льется кровь на улицах южнокорейских городов, гремят пулеметные очереди в резервациях Южной Африки, стонут закованные в тюремные колодки мученики Кении и Родезии, царит мгла над селениями Анголы, Мозамбика и Конго, но час рассвета близок и для них, ибо над всей землей встало Солнце Надежды.

И сегодня, в светлый день 1 Мая, когда над Красной площадью Москвы взовьются алые знамена демонстраций, все угнетенные и порабощенные, все завоевавшие свободу и готовящиеся ее завоевать, весь трудовой люд обращает свои взоры к Москве, к нашей столице, ибо здесь священная колыбель социализма, ибо отсюда раздаются на весь земной шар призывы великой всепобеждающей ленинской правды!

Да здравствует 1 Мая!

НАША СИЛА В ДРУ

ТРУДЯЩИЕСЯ АЗЕРБАЙДЖАНА СЕРДЕЧНО

Среди прекрасного соцветия
Друзей и дружественных стран
Я празднуя сорокалетие
Твоей весны, Азербайджан!

Слова поэта хорошо выражают настроения тружеников Азербайджана. Большой праздник республики — 40-летие установления Советской власти и создания Коммунистической партии Азербайджана — стал праздником всенародным. В эти весенние апрельские дни перед всем миром еще раз было продемонстрировано: народы Советской страны дружбой и братством сильны.

На торжества, посвященные юбилею республики, в Баку приехал Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. Сотни тысяч людей вышли на площади и улицы, чтобы сердечно приветствовать дорогого гостя.

Вместе с трудящимися Азербайджана в большом празднике участвовали посланцы братских союзных республик, а также



По народному обычаю на вокзале дорогому гостю Н. С. Хрущеву поднесли пиалу с шербетом.



Н. С. Хрущев посетил парк, где похоронены 26 бакинских комиссаров, расстрелянных наймитами империализма. Здесь горит вечный огонь. Никита Сергеевич возложил на могилу венок.

Ликует Баку. Вечером на Приморском бульваре.



Сотни тысяч трудящихся Баку заполнили улицы, ведущие к вокзалу. «Хош гелмишсиниз!—Добро пожаловать, родной Никита Сергеевич!» — эти слова и на алых полотнищах и в сердцах людей, встречающих гостя — Н. С. Хрущева.

Фото Я. РЮМКИНА.

ЖБЕ И БРАТСТВЕ

ПРИВЕТСТВОВАЛИ Н. С. ХРУЩЕВА

старые большевики — те, кто боролся за создание Коммунистической партии Азербайджана и установление здесь Советской власти.

В Баку состоялось торжественное заседание Верховного Совета Азербайджанской ССР и ЦК Компартии Азербайджана. С докладом выступил первый секретарь ЦК КП Азербайджана В. Ю. Ахундов. На заседании с большой речью выступил Н. С. Хрущев. Горячая овация вспыхнула в зале, когда Никита Сергеевич поднялся на трибуну. Речь Н. С. Хрущева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась бурными аплодисментами.

— Мы,— сказал Никита Сергеевич,— с радостью смотрим на то, как с каждым днем растет и расцветает Советский Азербайджан.

Товарищ Н. С. Хрущев зачитал приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с сорокалетием Советской власти и созданием Компартии Азербайджана.





В президиуме торжественного заседания Верховного Совета и ЦК КП Азербайджана.

НАША СИЛА В ДРУЖБЕ И БРАТСТВЕ



В дни народных торжеств: На одной из центральных площадей Баку заложен монумент Дружбы народов.

На Приморском бульваре открылась выставка народного хозяйства Азербайджана.



МАЙ —

Май — месяц встречи руководителей четырех великих держав. Редакция журнала «Огонек» обратилась к некоторым общественным и политическим деятелям стран — участниц со-

ПУСТЬ НАСТУПИТ ВЕСНА МИРА!

Конечно, май в Париже будет хорош; но дело не в мае, дело в совещании на высшем уровне. Если бы оно состоялось в январе в Гренландии, то мы все равно бы радовались.

Мы знаем, что годы и годы накапливалось взаимное недоверие, росли и осложнялись конфликты. Никто не рассчитывает в один присест разрешить все проблемы, рассеять все туманы. Но четыре человека, которые встретятся в мае, могут многое сделать: в каждом деле важен почин.

Комитет десяти по разоружению начал свою работу с дискуссии. Я отнюдь не противник дискуссий, но народы ждут не академических споров, а начала разоружения. Говорят, что разоружение немыслимо без взаимного доверия. А по-моему, взаимное доверие немыслимо без разоружения. Представим себе на минуту фантастическую картину: державы приходят на встречу с атомными бомбами или даже с обыкновенными револьверами. Ясно, что они не смогут спокойно разговаривать. Необходимо приступить к разоружению, тогда родится взаимное доверие. Совещание на высшем уровне может и должно сдвинуть дело разоружения с места.

Совещание может и должно найти такое разрешение берлинского вопроса, которое, будучи приемлемым для всех, ослабит напряжение в самом сердце Европы. Совещание может и должно положить конец опасным испытаниям ядерного оружия.

Майское совещание не апофеоз, это скорее пролог: за ним должны последовать другие совещания. Обменом нот в наш век ничего не решишь. Хотя я писатель, я приветствую переход от эпистолярной литературы к прямым разговорам.

Календарный май — прекрасное время. Май станет вдвойне маем, если совещание на высшем уровне откроет весну в отношениях между всеми государствами.

Илья ЭРЕНБУРГ

СЕМЕНА ДРУЖБЫ

Моя искренняя надежда, что весеннее совещание глав правительств посеет семена международного мира и дружбы и что этот посев взойдет и принесет хорошие плоды, в частности укрепит взаимопонимание между двумя величайшими нациями мира. Я лично убежден, что народы Советского Союза и Соединенных Штатов глубоко преданы идее жить в атмосфере обоюдного доверия и экономического благополучия. Это может осуществиться, если наши отличные друг от друга идеологические воззрения будут взаимно признаны с тем, чтобы мы могли мирно сосуществовать в течение долгих лет. Конечная цель цивилизации в том, чтобы все люди жили в счастье и процветании, уважая друг друга. Мы все должны трудиться над тем, чтобы осуществить эту благородную задачу человечества.

Джордж КРИСТОФЕР,
мэр Сан-Франциско

МЕСЯЦ НАДЕЖД

вещания и попросила их поделиться с нашими читателями своими мыслями об этом важнейшем событии международной жизни. Мы публикуем полученные ответы.

За взаимное доверие

Редакции журнала «Огонек», Москва.

Я шлю вашим читателям в Советском Союзе и повсюду мои теплые, добрые пожелания. Мы все возлагаем большие надежды на совещание в верхах, о котором вы упоминаете. Если лидеры наших стран смогут достичь соглашения в предстоящих дискуссиях, польза для всего мира будет неоценимой. Давайте идти к этой встрече в духе отношений дружбы, взаимного доверия и уважения к человеческой свободе, включая свободу мнений, во всем мире.

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ

Желание народа

Я надеюсь на мир, и весь мой народ желает мира.

Элеонора РУЗВЕЛЬТ

* * *

Из Балтимора от доктора МИЛЬТОНА ЭЙЗЕНХАУЭРА, брата президента Эйзенхауэра и президента Университета Джонса Гопкинса, получена следующая телеграмма:

«Я надеюсь, что визит президента Эйзенхауэра в июне послужит усилению взаимопонимания между Соединенными Штатами и Советским Союзом и двинет вперед дело мира».

Покончить с остатками «холодной войны»

Я счастлив обратиться еще раз к читателям «Огонька», постоянным подписчиком которого я являюсь. Тем более счастлив, что это дает мне возможность высказать надежду, которая овладевает всеми с приближением месяца мая, месяца весны, который увидит новую встречу на высшем уровне.

Большой успех поездки Хрущева во Францию можно расценить как благоприятное предзнаменование перед этой исторической встречей. Традиционная дружба между нашими народами сегодня получает новое подтверждение, расцветает и крепнет. Она должна стать той благотворной и непреодолимой силой, которая поможет покончить с остатками «холодной войны» и установить прочный мир на земле.

Эдгар ФОР,
сенатор, бывший премьер-министр Франции

Ждем всеобщего разоружения

Речи, произнесенные премьером Хрущевым во Франции, встретили широкое одобрение. Нужно надеяться, что экономические, научные и культурные связи, установленные между СССР и Францией, послужат введением к заключению во время совещания в верхах политических соглашений большого значения.

Мы надеемся, что четырьмя великими державами будет принято решение о первых мерах по всеобщему разоружению.

Бернар ЛАВЕРНЬ,
почетный профессор Парижского факультета права

ПРОКЛЯТИЕ ВОЙНЕ

В моей стране, как весеннее половодье, все выше поднимаются призывы к миру и протесты против ядерной войны. Сейчас, когда я пишу эти строки, многие тысячи людей движутся пешком из Олдермастона в Лондон, и число их все возрастает. Моя дочь идет вместе с ними, и рядом с нею — ее товарищи, студенты-медики. Над дверью моего настоятельского дома воздвигнут большой плакат со словами: «Христиане предают проклятию ядерную войну». Плакат привлекает внимание многих корреспондентов из разных стран.

Эта воля народа, выражаемая все более настойчиво, дает надежду, что на совещании глав четырех правительств будут сделаны решительные шаги в сторону разоружения и мира.

Я приветствую великолепные призывы и дела Советского Союза, направленные к тому, чтобы на земле царил настоящий мир.

Ваш искренне

Хьюлетт ДЖОНСОН,
настоятель Кентерберийского собора

Добрые предзнаменования

За последний год были сделаны огромные шаги по пути к миру. Растет взаимопонимание, повеяло теплотой в отношениях между СССР и США и на всей земле.

Американцы были рады лучше узнать Советский Союз на советской выставке в Нью-Йорке, на концертах балета Большого театра, ансамбля Моисеева, московского симфонического оркестра. Соединенным Штатам представилась завидная возможность узнать высокие качества руководителей Советского государства во время визита и поездки по стране премьера Хрущева, во время приездов его заместителей Анастаса Микояна и Фрола Козлова.

Лично я должен выразить особую благодарность видным советским ученым, которые принимали участие в наших конференциях в Пагуоше, где обсуждались проблемы ядерного, биологического и химического разоружения. Я с нетерпением жду новой поездки в Советский Союз в сентябре, когда ученые — участники конференции в Пагуоше соберутся со всего мира в Москву.

С другой стороны, визиты в Советский Союз американских граждан — специалистов по металлургии, энергетике, сельскому хозяйству, образованию — помогли нам по-новому оценить советский прогресс и мастерство во всех этих областях. Даже тройка орловских рысаков, которая была подарена мне Советским правительством, завоевала много друзей и поклонников: ее видели миллионы американцев и канадцев на выставках и по телевидению. Я смею надеяться, что бычки и коровы шортгорнской породы, которых я отправил в СССР, приносят удовольствие советским людям, которые видят их.

Соединенные Штаты стоят на почве капитализма. Но большинство моих американских друзей признает, что другие системы вполне способны удовлетворять другие народы и что не наше дело вмешиваться во внутренний политический и экономический строй других стран. Мои друзья-промышленники приветствуют дружбу и взаимопонимание с Советским Союзом.

Визит, который в скором времени нанесет президент Эйзенхауэр в Советский Союз, будет дальнейшим конструктивным шагом к миру. Из моего пребывания в СССР я знаю, что огромные успехи этой страны в науке, экономике, образовании и искусстве произведут впечатление на нашего президента. У него найдут отклик неизменное гостеприимство и дружелюбие советских людей.

Все это добрые предзнаменования для справедливого и почетного мира, которого так искренне желают мужчины и женщины доброй воли на всей земле.

Сайрус ИТОН,
американский промышленник и общественный деятель

ЧУДЕСНОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Зеленеющий май — вершина и увенчание весны. Так было и будет всегда и в вашей стране и в моей. В нынешнем году май — это еще и месяц совещания на высшем уровне. По этому поводу мне вспоминается известная строка из старой английской песни, прославляющей красоту природы и скорбящей о греховности человеческой натуры: «Все живое прекрасно, и только человек непригляден».

Да, весна — чудесное время года. Но когда я смотрю на некоторых государственных деятелей Запада, я убеждаюсь, что и впрямь весна прекраснее иных людей. Эти деятели боятся войны, они даже хотят мира, но такого мира, в котором старый, капиталистический и империалистический порядок был бы сохранен и была поставлена преграда против слишком назойливо рвущихся вперед сил социального прогресса и антиколониального движения. Но поскольку сие неосуществимо, они предаются несбыточным расчетам. Они утверждают, что собираются избежать войны, продолжая... подготовку к ней. В западных странах немало мощных капиталистических групп, прямо заинтересованных в гонке вооружений; есть там и влиятельные политические группировки, которые опасаются «экономических и социальных последствий» разоружения больше, чем ужасающих последствий ядерной войны, если бы она разразилась.

Но силы мира уже очень сильны, они становятся все сильнее. Давление народов на правительства настолько велико, что они вынуждены идти на переговоры. Английские консерваторы не победили бы на недавних выборах, если бы Гарольд Макмиллан не совершил поездку в Советский Союз и не пообещал англичанам, что конференция на высшем уровне состоится. Американская печать все время отмечает тот факт, что любой кандидат в новые президенты может рассчитывать на успех лишь в том случае, если он в состоянии похвалиться, что побывал в Москве и беседовал с премьером Хрущевым!

Западные правительства не могли бы сейчас отказаться от встречи на высшем уровне. Они уже не в состоянии — на случай, если бы совещание зашло в тупик,— свалить это, как не раз бывало, с больной головы на здоровую, то есть на Советский Союз.

В этих условиях, обращаясь с первомайским посланием к читателям «Огонька», я говорю: не чувствуйте себя разочарованными или обескураженными, если результаты этой встречи глав четырех правительств на первый раз будут скромными. На Западе давление со стороны народов достигло уже многого: оно задержало дальнейший разбег «холодной войны». А это значит, что народы сумеют заставить правительства пойти по пути мира!

Огромную роль в этом общем росте движения за мир на Западе играет то, что с каждым месяцем все расширяются, становятся все многообразнее непосредственные контакты между советским народом и народами западных стран. Эти встречи, эти непринужденные беседы помогли Западу почувствовать миролюбие советских людей, размах достижений Советского Союза. Это чувство еще более кристаллизовалось, приобрело еще большую весомость для миллионов людей во время визитов премьера Хрущева в Западную Европу и в Соединенные Штаты. Эти визиты сломали лед «холодной войны». Они оказали большую услугу человечеству, которое жаждет мира.

Кони ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ЛАУРЕА



С. Д. ПОНОМАРЕВ.



В. Л. БИДЕРМАН.



К. К. ЛИХАРЕВ.



Н. Н. МАЛИНИН.

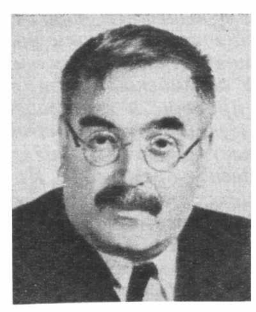


В. И. ФЕДОСЬЕВ.



В. М. МАКУШИН.

Премия присуждена за научный труд «Расчеты на прочность в машиностроении».



В. А. ФОК.
Премия присуждена за исследования по квантовой теории поля.



Н. Г. ЧЕТАЕВ.
Премия присуждена за работы по устойчивости движения и аналитической механике.



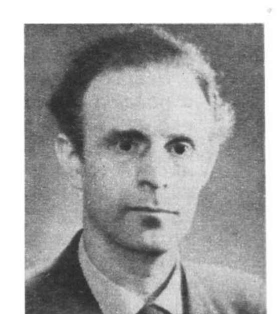
Я. З. ЦЫПКИН.
Премия присуждена за работы по теории импульсных и релейных автоматических систем.



С. М. ФЕЙНБЕРГ.



В. В. ГОНЧАРОВ.



Г. А. СТОЛЯРОВ.

Премия присуждена за создание комплекса



А. И. АДЖУБЕЙ.



Н. М. ГРИБАЧЕВ.



Г. А. ЖУКОВ.



Л. Ф. ИЛЬИЧЕВ.



В. С. ЛЕБЕДЕВ.



Е. В. ЛИТОШКО.

Премия присуждена за книгу «Лицом к лицу с Америкой».

Интервью «Огонька»

Самые талантливые, самые целеустремленные

Академик Н. Н. БОГОЛЮБОВ, лауреат Ленинской премии

Когда наука достигает каких-либо вершин, с них становятся видны новые и новые дороги, по которым наука пойдет завтра, открываются дальнейшие пути к еще не покоренным человеком новым вершинам.

День присуждения Ленинских премий стал традиционным смотром высших достижений науки, техники и культуры, стал большим праздником для всей нашей страны.

Помню, как-то я беседовал с одним иностранным ученым, приехавшим к нам. Он не был коммунистом, этот человек, он просто открытыми глазами, без предвзятого мнения смотрел на все, что делается в нашей стране. «Теперь я, кажется, понял, почему ваши ученые добиваются таких успехов, — сказал он мне. — Я много ездил, но ни в одной стране не видел, чтобы люди, занимающиеся наукой, пользовались таким уважением, таким авторитетом у любого, самого простого человека, как в Советском Союзе. Наверное, потому самые талантливые, самые целеустремленные люди у вас стремятся в науку. Быть ученым в вашей стране — большая честь и большое счастье».

Да, быть ученым в нашей стране — большое счастье. Иначе и не может быть в стране, строящей коммунизм. Буквально с первых же дней Советской власти Коммунистическая партия, Владимир Ильич Ленин уделяли развитию науки большое внимание. «...начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества»,— писал В. И. Ленин после Октябрьской революции. Он ясно видел большую роль науки в строительстве коммунизма и учил окружающих внимательному и бережному отношению к ученым, к их творческой деятельности. Еще гремели бои гражданской войны, а Владимир Ильич уже работал над своим «Наброском плана научно-технических работ». Даже в самые трудные для республики годы наша страна выделяла государственные средства на научные экспедиции, на оборудование исследовательских институтов и лабораторий.

Эта щедрость окупилась с лихвой. В целом ряде областей мировой науки и техники советские ученые идут в первой шеренге исследователей. Стоит назвать хотя бы проблему исследования космического пространства, в изучении которой советские ученые вырвались далеко вперед. Наглядно доказывают это работы С. Н. Вернова, А. Е. Чудакова, Н. В. Пушкова, Ш. Ш. Долгинова. За открытие и исследование внешнего радиационного пояса Земли и исследование магнитного поля Земли и Луны они удостоены Ленинской премии этого года.

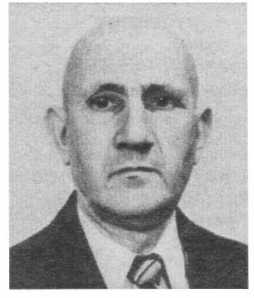
Физика космоса, океаническая микробиология, использование атомной энергии в мирных целях, хирургия сердца — это все работы переднего края мировой науки.

Хотелось бы подробней остановиться на тех трудах, которые мне наиболее близки по специальности, как ученому. Я имею в виду замечательные работы В. А. Фока и Н. Г. Четаева.

...Среди фамилий ученых, получивших эту высокую награду, одна фамилия стоит в траурной рамке — члена-корреспондента АН СССР Н. Г. Четаева. И прежде всего я хочу расска-

ТАМ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ!


И. И. КОРОБОВ.


В. И. СУРОВОВ.

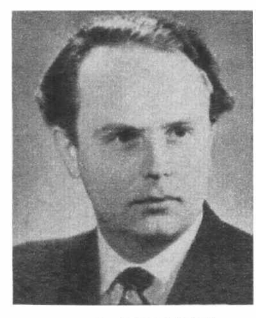

З. И. НЕКРАСОВ.


Н. И. КРАСАВЦЕВ.

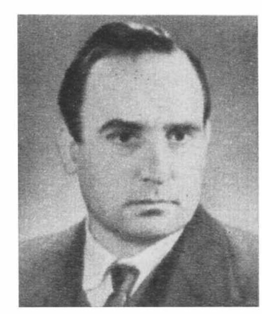

Г. Г. ОРЕШКИН.


А. Н. ЧЕЧУРО.

Премия присуждена за внедрение природного газа в доменное производство.


Т. Н. ЗУБАРЕВ.


П. И. ХРИСТЕНКО.


В. Ф. КОЗЛОВ.


О. И. ЛЮБИМЦЕВ.

исследовательских водо-водяных реакторов ВВР-2, ВВР-С и ИРТ.


М. А. ШОЛОХОВ.
Премия присуждена за роман «Поднятая целина», I и II книги.


Д. Ф. ОЙСТРАХ.
Премия присуждена за выдающиеся достижения в области музыкально - исполнительского искусства.


В. А. МАТВЕЕВ.


В. И. ОРЛОВ.


П. А. САТЮКОВ.


О. А. ТРОЯНОВСКИЙ.


А. С. ШЕВЧЕНКО.


Г. Т. ШУЙСКИЙ.

Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США».

зать об этом замечательном ученом, так безвременно ушедшем от нас...

Казанская школа Четаева, «метод Ляпунова — Четаева» — эти названия уже прочно вошли в науку. Речь идет о созданной Николаем Гурьевичем Четаевым советской школе механиков, о его исследованиях в области устойчивости движения, о его учениках и последователях.

Проблема исследования устойчивости движения является одной из самых основных проблем механики. Это исследование представляет большой интерес и для теории и для практики. Надо сказать, что в этой области наша наука занимает первое место еще со времени замечательного русского ученого А. М. Ляпунова, заложившего основные принципы и методы теории устойчивости. В своих многолетних трудах Н. Г. Четаев творчески обобщил и развил методы А. М. Ляпунова и создал свое направление в области изучения устойчивости.

Имя Четаева стало известно в науке еще с середины двадцатых годов. В 1924 году он окончил Казанский университет и остался в аспирантуре, а потом стал доцентом и профессором этого университета. Именно тут, в Казани, сложился костяк его научной школы. По инициативе Николая Гурьевича и под его руководством был организован Казанский авиационный институт.

Н. Г. Четаев создал принципиально новое направление в теории устойчивости движения, где классические основные положения А. М. Ляпунова весьма и весьма развиты и поставлены на службу прикладной механике и практике социалистического строительства. Работы Четаева имеют большое прикладное значение для баллистики, точного приборостроения и других областей науки и техники.

Николай Гурьевич был не только талантливым ученым, но и не менее талантливым, отзывчивым, исключительно доброжелательным воспитателем. И в Московском государственном университете, и в Институте механики Академии наук СССР, и в Московском авиационном институте, и в Ленинграде, и в Казани, где Николай Гурьевич начинал свой творческий путь, работают «четаевцы» — его ученики...

И как ни тяжела для нас утрата, чувство горечи, с которым я думаю сегодня о Николае Гурьевиче, смягчает радость, что его научное направление поддерживают многочисленные ученики его школы, что его заслуги признаны всем народом, всей страной. Это лучший памятник, высшая награда ученому.

...Говоря о Ленинских премиях этого года, хочется отметить гармоническое сочетание теоретических и практических работ — от самых абстрактных до прикладных. Они идут в ногу непрерывным широким фронтом — от открытия нового, Газлинского месторождения до изучения космических лучей и исследования магнитного поля Земли и Луны, от расчетов на прочность в машиностроении до исследований квантовой теории поля В. А. Фока.

Квантовая теория поля является одним из основных разделов теоретической физики. Это теория так называемых «элементарных частиц», из которых строится материя. Законы их взаимодействия чрезвычайно сложны и лишь с большим трудом поддаются теоретическому исследованию.

Академик В. А. Фок был одним из зачинателей разработки этой фундаментальной области. Его монография «Работы по квантовой теории поля» представляет цикл многолетних исследований, отличающихся богатством и глубиной заложенных в них идей, безукоризненной строгостью и полнотой.

Любопытно отметить, что, хотя некоторые его работы были опубликованы еще в тридцатых годах, значение их не только не устарело, но надлежащим образом прояснилось. Идеи и методы, разработанные Фоком, стали особенно широко применяться в последнее время, спустя четверть века после их создания. Сейчас его идеи широко используются в самых разнообразных вопросах при решении труднейших проблем современной квантовой теории поля, его методы и идеи развиваются и обобщаются многочисленными последователями и за рубежом и у нас в стране.

Ввиду того, что теоретические исследования в области квантовой теории поля весьма трудно изложить в наглядной форме, здесь нельзя будет исчерпывающе охарактеризовать все то ценное и важное, что содержится в трудах В. А. Фока. Скажу лишь, что его метод, иногда называемый методом Хартри — Фока, является сейчас основным при изучении структуры атомных систем, или, как говорят теоретики, при изучении задачи многих взаимодействующих частиц.

Наша страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Ленинская премия — это высокая награда авторам тех работ, которые активно содействуют дальнейшему развитию науки и культуры страны, строящей коммунизм.

И сегодня, в день майского праздника, мне просто хочется от души поздравить моих коллег — ученых, получивших эту высокую награду, порадоваться вместе со всем нашим народом их большим успехам.

ЦВЕТЫ ИНДИИ

Кара СЕЙТЛИЕВ

КРАСНЫЙ КОВЕР

У каждого народа есть традиции,
Поддерживают предков честь традиции.
Я об одной услышал здесь традиции:
Так в Индии ведется с давних пор —
Встречать с гостеприимством постоянным
Друзей,
Но красный расстилать ковер
Лишь перед самым из гостей желанным.
Сегодня в Дели застелили двор
Ковром огромным,
Огненно-багряным.

Соцветие лучей на нем сплелось:
У солнца самого узор заимствован.
Шагает широко
Высокий гость
По красному ковру гостеприимства.
Но почему орудия молчат
И отменен салют артиллерийский?..
Сегодня
Друг приехал
Самый близкий,—
Салютом миру
Песни прозвучат!

БХИЛАИ

1

Мне помнится,
Встретили мы спозаранку
Юношу с Волги
И юношу с Ганга.
Стояли они у дороги,
Как братья.
Ладони их встретились в рукопожатье.

Отлить бы из стали,
Чтоб видели внуки,
Из стали,
Что льют уже столько в Бхилаи,
Индийца и русского
Крепкие руки,
Как памятник дружбе
На стройке в Бхилаи.

2

В Бхилаи не было такой реки
В те дни,
Что так еще недалеки.
Сегодня здесь
Гудит река из стали
И огненные блещут гребешки.

3

Словно прошлое камнем одето:
У индийских дорог и селений
Силуэты
Седых минаретов —
Грозных башен былых поколений.

Велико торжество человека.
И теперь
Выше прежних,
Я знаю,
Минареты двадцатого века —
Эти дымные трубы Бхилаи.

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ.

ОТ ИМЕНИ СОВЕТСКОГО НАРОДА

«Позвольте, товарищи, от вашего имени поблагодарить всех советских специалистов, рабочих и служащих, которые трудятся за границей и которые вдали от Родины высоко несут звание советского человека»,— говорил Никита Сергеевич Хрущев на многотысячном митинге трудящихся столицы по возвращении из поездки по странам Юго-Восточной Азии.

В любом уголке земного шара повстречаешь теперь наших соотечественников. Посланцы великой страны социализма, они помогают народам, освободившимся от колониального ига, создавать свою индустрию, развивать сельское хозяйство, вести культурное строительство.

Наши люди строят заводы, прокладывают дороги в тропических джунглях, ведут корабли по штормовым морям. И повсюду идет добрая слава об их трудолюбии, мужестве, бескорыстии.

Здесь мы печатаем рассказы о наших людях за рубежами Родины — сообщения, полученные по почте, телеграфу и радио, а также беседы наших корреспондентов с товарищами, только что вернувшимися из-за границы.

КОНАКРИ БЛИЗОК К МОСКВЕ

М. С. ЗАЛУЦКИЙ,
заместитель начальника отдела Государственного комитета по внешним экономическим связям Совета Министров СССР

Из Москвы столица юной Гвинейской Республики кажется очень далекой. Но воздушный путь до Конакри через Париж и Дакар занимает менее суток.

Познакомившись с гвинейскими специалистами и государственными деятелями, мы почувствовали себя в дружеской среде. Нам была очень дорога та откровенность, с которой хозяева посвящали гостей в свои нужды, заботы, планы на будущее.

Хищнически эксплуатировались алмазные месторождения, которыми так богата Гвинея. Колонизаторы старались взять лишь то, что лежит сверху, не вели разведок, не изучали запасов.

К нам гвинейские специалисты обратились с просьбой помочь в организации разведки алмазных месторождений на больших площадях.

Обсуждалось также развитие железных дорог. Единственную в стране узкоколейку, которая соединяет Конакри с Канканом, предполагается перешить на нормальную широкую колею. Для этого необходимо много шпал. Мы посоветовали гвинейским специалистам построить новый лесопильно-шпалорезный завод в районе Нзерекоре, богатом лесными массивами.

Очень важна для экономики республики переработка сельскохозяйственного сырья на месте. Мы рекомендовали построить в районе Киндия кожевенно-обувной комбинат и в районе Маму — завод по консервированию фруктов и овощей.

Поездка нашей делегации в Гвинею — только начало дружественного экономического сотрудничества Советской страны с молодой африканской республикой.

Приятно сознавать, что наши знания помогут трудовому гвинейскому народу быстрее ликвидировать тяжелое наследие колониального гнета.

БИРМАНЦЫ ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ

Г. КЛИМКО,
аспирант Института востоковедения Академии наук СССР

В полуденные часы, когда тропическое солнце жжет особенно нестерпимо, на полях Бирмы прекращаются работы. А под навесом хижины за простым, грубо сколоченным деревянным столом начинаются занятия «Полевой академии».

Так бирманцы называют свое обучение у советских специалистов - почвоведов.

Уже четвертый год работают наши почвоведы в Бирме, помогая в перестройке сельского хозяйства.

В созданном бирманским правительством бюро по использованию земель советские специалисты заслужили большой авторитет. Они доказали, что Бирма может развивать на своих землях культуру длинноволокнистого хлопка, столь необходимого для текстильной промышленности.

Однажды, когда группа работников бюро проводила съемку земель в Верхней Бирме и советским специалистам пришлось делить со своими коллегами все тяготы походного быта в джунглях, руководитель партии бирманских почвоведов У Тин Вин заявил:

— Мы любим и уважаем советских людей не только как отличных специалистов, но и как чутких, отзывчивых товарищей, как мужественных людей, которые не боятся трудностей.

Для того, чтобы быстрее ознакомиться с достижениями советской науки, бирманцы старательно изучают русский язык. Такой кружок создали сотрудники лаборатории по агрохимическому изучению почвы. Лаборанты одновременно учатся в Рангунском университете.

Недавно в одной из деревень работала группа бирманских почвоведов во главе с советским специалистом-женщиной. Хозяйка дома, в котором остановились ученые, так заинтересовалась их работой, что решила дать своей дочери образование почвоведа. Сейчас эта простая крестьянская девушка успешно учится.

УНИВЕРСИТЕТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

Е. П. ДЮЖКИН,
инженер

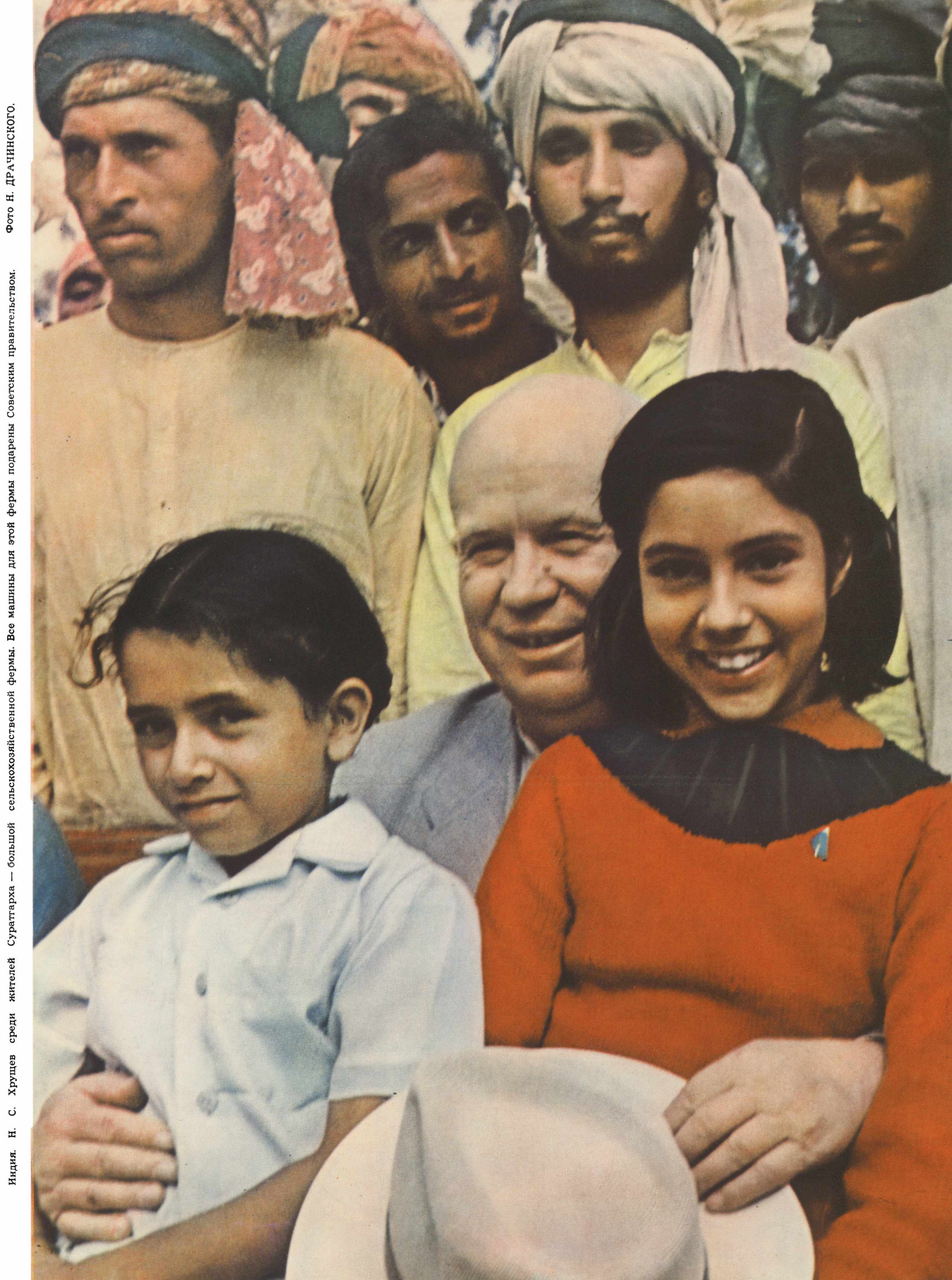
Университетом чистого сердца называют в Аддис-Абебе техническую школу, которая скоро будет построена с помощью Советского Союза.

Находясь в Аддис-Абебе в командировке, я не раз слышал от местных жителей самые восторженные отзывы о русских врачах, работающих там уже несколько лет в больнице Советского Красного Креста. И нас, инженеров, приняли в Эфиопии очень дружественно, сердечно.

Народ и правительство этой обширной африканской страны, богатой природными ресурсами, заняты сейчас выполнением своего первого пятилетнего плана (1957—1961 годы).

На Голубом Ниле и реке Аваш эфиопы строят электростанции, в стране сооружаются текстильные фабрики, расширяется сеть шоссейных дорог. Все это требует подготовки национальных кадров специалистов. Техническая школа, под строительство которой отведена отличная площадка на берегу живописного озера Тана, будет располагать современными учебными корпусами, мастерскими.

Разрабатывая планы предстоящего строительства, мы трудились рука об руку с эфиопскими специалистами. Как-то однажды выдался свободный день, и коллеги любезно предложили нам совершить прогулку. Мы повидали немало уголков чудесной африканской природы. Но наибольшее впечатление осталось у нас от встреч с простыми людьми.



Индия. Н. С. Хрущев среди жителей Сураттарха — большой сельскохозяйственной фермы. Все машины для этой фермы подарены Советским правительством.

Фото Н. ДРАЧИНСКОГО.

ОТ ИМЕНИ



На судоверфи в Гданьске польский судостроитель А. Славик (слева) беседует с советским моряком А. Т. Войтуховым.
Фото А. НОВИКОВА.

Многих китайских рабочих обучил советский специалист В. С. Сидорович на Чанчунском автомобильном заводе.
На снимке: В. С. Сидорович рассказывает китайским рабочим о работе поточной линии.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

На VII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене подружились советская девушка и американские юноши.
Фото А. НОВИКОВА.



СОВЕТСКОГО НАРОДА

МОРСКИЕ ВОРОТА ЙЕМЕНА

Г. ПЯСЕЦКИЙ,
руководитель советских специалистов на строительстве порта Ходейда.

Еще недавно побережье Красного моря близ города Ходейда было пустынно, безжизненно. А теперь тут шумят моторы десятков автомашин, гулко ухают мощные копры, забивая металлический шпунт, в небе маячат стрелы подъемных кранов. С утра до позднего вечера под палящим аравийским солнцем идет стройка.

По соглашению между Советским Союзом и королевством Йемен в Ходейде сооружается морской порт — первый в стране. За эту работу в прошлом не раз брались различные иностранные фирмы, но их попытки оканчивались неудачно.

Проложен канал длиною в десять с половиной километров, с глубинами, которые позволят судам подходить прямо к новому, первому в Ходейде причалу, вместо того чтобы выгружаться на рейде, как это делалось до сих пор.

Всюду советские специалисты трудятся рука об руку с местными рабочими.

Инженер А. Федоров руководит установкой анкерных креплений, помогая бригаде Али Салеха. На стройке портовой электростанции с бригадой йеменских каменщиков Абдулы Гелия трудится наш мастер Ельпидифоров. Сто сорок наших моряков работают на двух днюуглубительных караванах.

Причал оборудуется современными механизмами, наши монтажники во главе с инженером Карамурза работают в две смены.

В обширное хозяйство нового порта входят и строящиеся судомеханические мастерские и первая в Йемене нефтебаза. Неподалеку от порта с помощью советских специалистов отстраивается комфортабельный жилой поселок. Скоро перед приезжими гостеприимно распахнет свои двери гостиница «Нью-Ходейда». Начнет действовать магистральный водопровод. И тогда, мы уверены, пресная вода, которую до сей поры стаканами продают на базаре, уже не будет «дефицитным товаром» в здешних, выжженных солнцем краях.

Успешному ходу работ во многом способствует дружеский деловой контакт, который установился у нас с начальником строительства порта Ходейда, министром общественных работ королевства Йемен Сеид Яхя Абд-аль-Кадаром. Недавно строительство посетили имам Ахмед, король Йемена, и наследный принц Мохаммед Эль-Бадр. Осмотрев сооружения, они тепло поблагодарили советских специалистов.

Местная газета «Ан-Наср» («Победа») недавно писала: «Русские инженеры — специалисты в деле строительства порта — приложили громадные усилия и продемонстрировали огромную энергию в сотрудничестве с йеменскими специалистами и рабочими для успеха этого великого плана, который принесет пользу народу и родине, и благо его ощутят сыны его».

ЗАВОДЫ ЛЕКАРСТВ

А. Г. НАТРАДЗЕ,
член коллегии Министерства здравоохранения СССР

Редкая страна обладает таким обилием лекарственных растений, как Индия с ее плодородными почвами и благодатным тропическим климатом. Но до последних лет индийцы были вынуждены вывозить это драгоценное сырье за границу, чтобы затем втридорога платить за готовые лекарства иностранным фирмам.

Теперь в Республике Индия создается своя медицинская промышленность. Большую помощь тут оказывают наши советские специалисты. Побывав недавно в Индии, я участвовал в выборе площадок для новых заводов.

На берегу Ганга, в штате Уттар-Прадеш, на фоне Гималайских гор скоро поднимутся корпуса завода антибиотиков. Триста тонн пенициллина, стрептомицина, биомицина и других препаратов будет вырабатываться здесь ежегодно.

Это место избрано потому, что здесь даже в самое жаркое время года изобилие холодной воды с температурой не выше 15—16 градусов. Для производства антибиотиков это очень важно.

Когда местные крестьяне узнали об этом предстоящем строительстве, они устроили торжественную встречу советским специалистам, от души благодарили нас за бескорыстную помощь, слагали в нашу честь торжественные песни.

На окраине крупного индийского города Хайдарабада будет сооружен завод сульфамидных и противотуберкулезных препаратов, болеутоляющих средств, витаминов. В сложном производстве синтетических химико-фармацевтических препаратов интеллигенция Хайдарабада с успехом применит свои знания.

В штате Керала, на юге Индии, близ огромных чайных плантаций, в местности, где и сейчас еще встречаются дикие слоны, создается предприятие по переработке лекарственных растений. Отходы чайного листа, из которых производится кофеин, раувольфия — сырье для получения резерпина — и другие ценные растения будут теперь перерабатываться на месте.

В одном из крупнейших городов Индии — Мадрасе — построят завод хирургических инструментов, в Бомбее при местной бойне будет сооружен цех эндокринных препаратов.

Советские специалисты вместе с индийскими коллегами уточнили проектные задания, а затем, возвратившись в Москву, приступили уже непосредственно к проектированию.

В КАБИНЕ САМОЛЕТА, ВЕРХОМ НА СЛОНЕ

Инженер Н. Ф. ЗВОНКОВ

Наша группа инженеров помогала специалистам Непала выбрать основное направление будущей автомобильной дороги. Она должна пройти у подножия Гималаев по самой плодородной части страны.

Наши коллеги непальские дорожники сотрудничали с нами весьма успешно. Главный инженер по строительству дорог Непала господин Бишну Бахадур Карки, широкообразованный специалист, обеспечил советских строителей всеми видами транспорта — от самолета до слона.

Кстати сказать, слоны — поистине незаменимое средство передвижения. Они легко прокладывали себе путь сквозь самые густые заросли. Если ветви деревьев задевают пассажиров, слоны по команде проводников хоботами обрывают их.

Сердечно принимали нас губернатор города Бхаирхава Джехенча Шамшер Тхапа и губернатор города Биратнагара Ран Прасад Бадра. Они с уважением и симпатией говорили о нашей стране, о том, что техническое содружество с СССР поможет укрепить экономику Непала, окажет благотворное влияние на развитие его культуры.

Тепло, по-дружески относились к нам и простые люди.

КОНЕЦ СТРАШНОЙ БОЛЕЗНИ

А. А. ДЕМИНА,
кандидат медицинских наук

Эпидемии оспы — подлинное бедствие для народа Ирака. Между тем современная медицина позволяет решительно покончить с этой страшной болезнью. Все дело тут в масштабах работы, в правильной организации профилактических мер.

Богатый опыт борьбы с эпидемиями, накопленный советским здравоохранением, сослужил хорошую службу и нашей экспедиции, направленной недавно в Ирак. К слову сказать, из тридцати шести медицинских работников, участвовавших в экспедиции, тридцать были женщины, причем самой старшей недавно исполнилось тридцать пять лет.

Чтобы обеспечить прививками все семимиллионное население республики, потребовалось доставить в Ирак пятнадцать миллионов доз вакцины и оборудование лабораторий. Все это предоставил Московский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток имени И. И. Мечникова. В Ираке мы работали в тесном контакте с местными врачами под руководством комитета, который возглавлял министр здравоохранения Мухаммед аш-Шавваф.

Работу свою мы начали на севере страны, но и там стояла жара — пятьдесят градусов в тени. За полгода проехали не одну тысячу километров по степным и горным дорогам Ирака, посетили сотни селений.

Не раз жители встречали нас косыми взглядами. Но стоило нам назвать себя, как самые суровые, неприветливые лица расплывались в улыбке.

Когда мы уезжали из Ирака, прививки против оспы были сделаны 85 процентам населения. Иракские медики продолжали работу самостоятельно.

SOS ПРИНЯТ, ЛЮДИ СПАСЕНЫ

К. ЧЕРЕВКОВ

В немецких газетах, недавно пришедших в Ленинград, рассказывается о том, как моряки советского парохода «Стрельна» спасли от гибели команду западногерманского теплохода «Карстен Витт».

Вот как это было. Третьи сутки на Балтике бушевал шторм, когда «Стрельна» под командованием капитана В. Бордукова шла из Бремена с грузом к советским берегам. В полночь вахтенный помощник капитана А. Воробьев заметил мелькнувший во тьме световой сигнал бедствия — SOS. Тотчас на советском судне объявили тревогу.

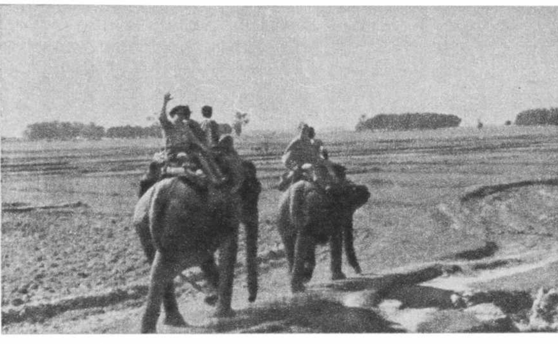
Когда «Стрельна» подошла к месту катастрофы, теплоход «Карстен Витт» сильно накренился на левый борт, и волны с шумом перекатывались через его кормовую палубу и надстройку. А неподалеку от корабля в штормовом море мигали огоньки. Это моряки-немцы сигнализировали карманными фонариками о местонахождении своей шлюпки.

Подойти большому кораблю к шлюпке в шторм — дело нелегкое. «Стрельна» проделала не один сложный маневр, пока наконец удалось принять на борт двадцать одного немецкого моряка. За исключением капитана «Карстена Витта», погибшего на корабле, все немецкие моряки были спасены. Балтийцы оказали немцам медицинскую помощь, дали одежду, накормили, уложили на свои койки. Команда «Карстена Витта» была высажена с борта «Стрельны» в советском порту Клайпеде.

А вскоре «Стрельна» снова прибыла в Бремен. Представители городских властей, жители, родные спасенных моряков восторженно встречали капитана Бордукова и его товарищей. От имени властей капитан порта подарил В. Бордукову ключ города Бремена. Судоходная компания, которой принадлежал «Карстен Витт», преподнесла советским морякам сувенир — старинную карту Балтийского моря, изданную в Амстердаме.



Индийские и советские специалисты на площадке строительства завода антибиотиков в штате Уттар-Прадеш.
Фото В. Дворяковского.



На слонах по дорогам Непала.
Фото И. Горбунова.



Советские медсестры М. Г. Лукьянова (слева) и В. А. Белоусова делают прививку жителям Северного Ирака.

ПРОЩАНИЕ С БОГАМИ

Рассказ

РЫТХЭУ

Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА.**


Бесконечно шли тракторы. Они показывались на вершине Южного холма, тяжело переваливали через нее и спускались в долину. Каждый трактор тащил за собой нагруженные сани. Черная переворочанная земля полосой тянулась далеко на север, к устью большой бурной реки Омваам.

Это началось еще весной, когда ночей не было. Круглосуточное солнце без отдыха бродило по небу, щедро согревая теплыми лучами скудную растительностью тундру.

Трактористы облюбовали для отдыха долину. Они останавливали усталые машины у воды и долго, с наслаждением мылись в холодных струях Омваама. Помывшись, они отцепляли сани и загоняли трактор в воду. Быстрое течение смывало налипшую на гусеницы глину, запутавшиеся в железных башмаках пучки мокрой тундровой травы.

Вскипятив чай и закусив, трактористы садились в машины и отправлялись дальше в путь — к морю.

Всю весну и лето наблюдал старый Гаймелькот беспрестанное движение тракторов. Первое время он старался подальше уйти от непривычного железного грохота. И лишь много дней спустя, после того как возле его яранги пролегла черная полоса разворочанной тракторами земли, Гаймелькот подошел к дороге. В глубокой колее застыла черная вода. Из перевернутого дерна вверх ножкой торчал священный гриб — вапак.

Гаймелькот отпрянул: непривычен и жуток был вид земли, по которой прошлись, как ножом по шкуре живого зверя.

Постепенно Гаймелькот привык к черной полосе на нетронутой испокон веку земле, к грохоту тракторов. Он уже не боялся подходить к отдыхающим машинам и с помощью небольшого количества русских слов, усвоенных во время редких своих поездок на центральную усадьбу, беседовал с молодыми трактористами.

Они поили старика чаем, расспрашивали о дороге, рассказывали о себе.

Гаймелькот подружился с ними и встречал их, как старых знакомых. Особенно нравился Гаймелькоту тракторист по имени Арсен. Он был похож на его старшего сына.

Иногда трактористы чинили машины тут же, в долине, и ночевали в яранге Гаймелькота.

От них же старик узнал, ради чего затеян большой переход тракторов с санями: в низовьях Омваама был найден драгоценный металл, и туда перебрасывали технику, продовольствие, лес для строительства домов.

Лето было в самом разгаре, но уже чувствовалось приближение осенних дождей. Промерзшая за зиму земля совсем раскисла и глубоко протаяла.

С каждым днем тракторам становилось все труднее. Гусеницы уходили глубоко в глину, моторы надрывались от напряжения, и тяжело нагруженные сани не скользили, а плыли по размокшей тундре. Бывало и совсем худо: изо всех сил вращались гусеницы, а трактор стоял на месте, меся глину. Тогда тракторист отцеплял сани и выводил машину на твердое место.

В такие дни Гаймелькоту становилось горько от своего бессилия; он ничем не мог помочь этим молодым парням, которые мрачнели день ото дня.

Гаймелькоту почему-то больше людей было жалко машины. Быть может, потому, что сами трактористы не скрывали любовного отношения к железным грохочущим чудовищам.

Когда тракторы уходили из долины, Гаймелькот занимался приготовлениями к зиме. Он рвал траву, высушивал на солнце и обкладывал ею полог. На костре в большом чугунном котле варил смесь из разных трав и кореньев. Зимой это будет юнэв — кислая прессованная масса, твердая, как камень, но сладко тающая во рту. Чем больше юнэв держать на морозе, тем он слаще.

Юнэв — это единственная пища, которую заготовил себе Гаймелькот, а все остальное привезут сыновья, когда начнется охота на песца. Когда жилище было надежно утеплено, Гаймелькот принялся за починку зимнего охотничьего снаряжения.

Покончив с этим, старик отправился в ложбинку за ярангой, где журчал родник. Он обошел толстые жерди, глубоко врытые в землю. Ветры и колючий снег отполировали их до блеска, сгладили трещины и неровности. Только при внимательном рассмотрении можно было заметить на верхушках жердей грубо вырезанные человеческие лики. Гаймелькот помазал губы идолов припасенной птичьей кровью. Этой пищи им должно хватить до следующего лета.

А тракторы все шли на север...



☆ ☆ ☆

С того времени, как помнит себя Гаймелькот, он живет здесь, недалеко от устья Омваама. Много лет пролетело над его головой, и ветер времени выбелил его когда-то черный венчик тугих прямых волос.

На вершине одного из холмов сохранились ветвистые оленьи рога — все, что осталось от немногочисленного стада, которое когда-то имел отец Гаймелькота.

Рядом с оленьими рогами меж чахлых трав виднелись аккуратно выложенные продолговатые четырехугольники из камней — могилы предков Гаймелькота. У многих скелетов недоставало значительной части костей, но старик безошибочно мог показать, где лежит жена, отец, мать и двое младших братьев, от которых остались лишь ослепительно белые берцовые кости и полуистлевшие детские черепа.

Это был тяжелый год, когда умерли младшие братья. Оленей косила копытка, голод и холод надолго загостились в ярангах оленеводов.

У Гаймелькота сердце разрывалось от жалости к младшим братьям, которых мучила страшная красная болезнь. Чем он мог им помочь? Ведь он не был шаманом, как Лелю с верховьев Омваама. А старый Лелю и так был занят: столько кругом было больных — и людей, и оленей, и собак.

Братья умерли. Отец и мать, ослабевшие от голода, не могли отнести сыновей на священный холмик, и их похоронил старший брат, Гаймелькот, уложив вокруг маленьких, уже почерневших тел каменные оградки.

На вторую ночь после погребения братья явились во сне Гаймелькоту, здоровые и жизнерадостные, одетые в похоронные одежды из белого пушистого меха. Гаймелькот долго с ними разговаривал, расспрашивал о потусторонней жизни, где, судя по внешнему виду братьев, людям было куда лучше, чем на берегах Омваама.

Мать Гаймелькота заплакала, когда сын рассказал свой сон. Отец нахмурился и сказал:

— Значит, и тебе суждено в скором времени уйти к ним.

Слова отца глубоко запали в душу Гаймелькота. Он стал боязливым, и ему стоило большого труда не бежать ночью, оставив стадо, домой, под защиту ветхих, полуистлевших шкур. Братья не оставляли его в покое. Они часто навещали его во сне и уже перестали скрывать свои намерения. Иногда, просыпаясь в липком поту, Гаймелькот ясно слышал в ушах их настойчивые голоса, призывающие старшего брата взойти к ним, в страну сытой и полусонной жизни.

Прошло несколько лет. Однажды в яранге заночевал шаман Лелю, возвращавшийся из побережной фактории американского торговца. Всемогущий посредник между духами и простыми смертными был сильно пьян и едва держался на нарте.

Он протрезвел на третий день и угостил Гаймелькота кусочком сахара, обсыпанным табаком. Подросток сосал сахар и пристально разглядывал Лелю.

Отец рассказал шаману о сновидениях Гаймелькота, о призывах его братьев, недоумевая по поводу того, что вполне ясное предзнаменование вот уже несколько лет не сбывается.

Лелю бросил на притихшего Гаймелькота проницательный взгляд и сказал:

— Сегодня вечером я узнаю, в чем дело.

Поздно ночью закончилось камлание. Всемогущий Лелю лежал распростертый, касаясь головой жирника, а ногами — полога у входа. В яранге было тихо, темно и жутко. Долго отходил шаман. Сначала он застонал, а затем попросил пить.

Когда засветился одинокий язычок разжигаемого жирника, шаман сел и блуждающим взором обвел тесное помещение. Глаза уперлись в Гаймелькота, жавшегося в углу.

— Ты! — вскричал шаман.— Это тебя, неразумного, призывал к служению кэлы — сам Тэнантомгын!

Так шаман Лелю распорядился судьбой Гаймелькота — быть посредником между простыми людьми и всемогущими духами. Но для окончательного признания ему нужно было пройти курс обучения у Лелю. Грустно было расставание родителей Гаймелькота с единственным сыном, их надеждой и опорой в старости.

Лелю жил в большом стойбище. Его просторная яранга стояла перед ярангами пастухов, охранявших его большое стадо.

Первый год Лелю не позволял камлать Гаймелькоту. Гаймелькот исполнял обязанности работника по дому. Лишь на второй год, когда пришло известие о смерти родителей, Лелю вспомнил о призвании Гаймелькота и таинственно сообщил ему несколько заклинаний.

Гаймелькот вернулся в родную ярангу, похоронил рядом с младшими братьями останки родителей и стал посвящать себя в шаманы. Он по нескольку дней бродил по окрестной тундре, как волк, ничего не ел, кроме водянистых ягод. Когда голод был особенно нестерпим, он пытался ловить руками рыб в Омвааме. Первая попытка окончилась неудачей. Измученный голодом и обессилевший, Гаймелькот заколол важенку из оставшихся четырех отцовских оленей и напился свежей крови прямо из раны.

Лелю с негодованием узнал об отступничестве Гаймелькота и немедленно явился к нему в ярангу.

— Ничтожество ты! — с яростью сказал шаман.— Слабый человек победил в тебе будущую силу и власть над простыми людьми.

За те несколько дней, пока шаман жил в яранге Гаймелькота, он настрогал из привезенных жердей с десяток идолов и врыл в укромной ложбине, у родника. Лелю оказался неплохим резчиком — некоторые лики получились очень выразительными.

Лелю уехал, и Гаймелькот снова остался один. Одиночество угнетало его, но перебираться к людям он не хотел: все же здесь было его родное место. В пуржистые ночи в вое ветра ему слышались голоса умерших родителей и братьев.

Однажды в морозную ночь он сидел возле углей очага и ждал, когда сварится заячья тушка. Иногда громко трещали прихваченные морозом жерди яранги, и снег шурша скатывался с крыши на землю.

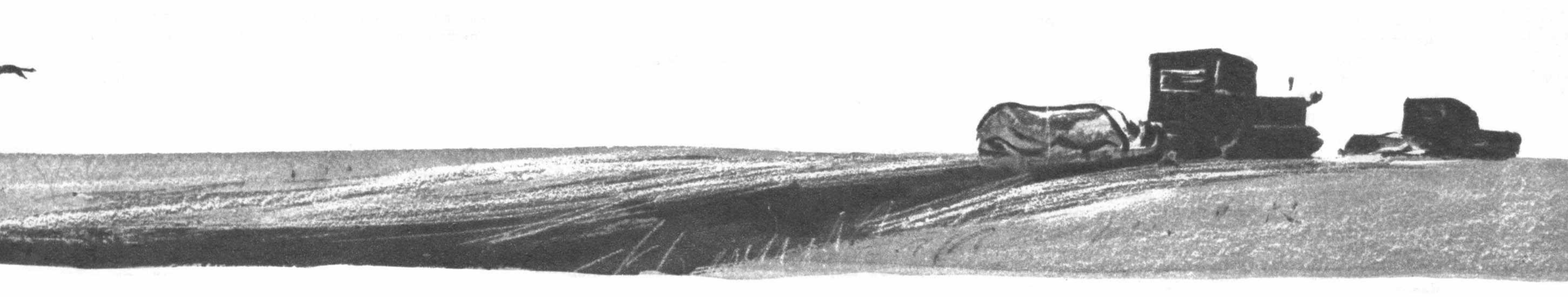
Мысли путались в голове, а глаза были прикованы к одной точке — угольку, покрытому синеватым пеплом, за которым теплился умирающий огонек.

Вдруг через отдушину в крыше яранги и в раскрытые двери ворвался яркий свет. Гаймелькот вскочил на ноги и кинулся на улицу. Большая шаровая молния уходила на юг и, соприкоснувшись с вершиной холма, ударила в землю и рассыпалась на тысячи кусков.

На следующий день Гаймелькот увидел большую трещину на реке — от нее шел пар.

Гаймелькот счел все это за новое предзнаменование. По поверьям, выходило, что ему скоро умирать: ведь над его ярангой пролетел вестник смерти — йынкергын [1].

И снова наступили дни вынужденного воздержания от пищи. Гаймелькот изнурял себя бегом по холмам и крутым сопкам. Он подходил к деревянным идолам и подолгу простаивал около них, всматриваясь в каждую черточку, оставленную острым ножом шамана на податливом дереве.



И однажды ему показалось, что один идол подмигнул ему прищуренным глазом. У Гаймелькота перехватило дыхание. Но идол продолжал подмигивать, и его деревянное лицо скривилось в подобие улыбки. «Ты достиг совершенства и познал сущность тайны общения с духами,— услышал Гаймелькот отчетливый голос, исходивший из воткнутого в землю кола, — ты стал настоящим шаманом!»

Лелю первым поздравил Гаймелькота с вступлением в избранный круг посредников между духами и простыми людьми и взял его к себе для дальнейшего усовершенствования.

И потекли дни вынужденного обмана, вымогательств и лживых предсказаний, неуспех которых надо было потом еще более искусно оправдывать. Обозленный таким поворотом в своей судьбе, Гаймелькот никого не щадил, даже своего учителя и наставника — могущественного Лелю.

Нельзя сказать, что Гаймелькот вообще ничего не умел делать и каждое его обращение за помощью к духам кончалось неудачей. Он хорошо знал приметы погоды, мог облегчить страдания людей при несложных заболеваниях. Но все это он узнал еще от отца, да и многие, очутись на его месте, поступали бы именно так. Но одно дело — помочь самому себе, и совсем другое — получить исцеление от самого посвященного.

Гаймелькот надеялся, что общение с духами просветит его разум, даст ответ на многие мучившие его во время бессонных ночей вопросы. Но ничего подобного не случилось. После каждого камлания, во время которого он доводил себя до исступления, молодой шаман

---

[1] Буквально — огненный блеск.



терял сознание. Люди перестали разговаривать с ним, как с равным: он ведь для них был отмеченным свыше.

Старухи задавали глупые вопросы. Одна, например, спрашивала, что бы могло значить: ворон, пролетая, уронил на ее меховой кэркэр[1] шлепок мокрого помета? Но даже на такие вопросы надо было обстоятельно ответить, изощряя свою фантазию.

Обучение у знаменитого Лелю закончилось тем, что Гаймелькот звездной ночью увез от него младшую жену и на снежной брачной постели по пути в свою ярангу осуществил свои супружеские права.

Летом, когда широко разлился Омваам, жена родила двойню. Гаймелькот на радостях щедро помазал кровью идолов.

Шли годы. Умерла жена и заняла место на древнем кладбище. Еще на одного человека увеличилась родня Гаймелькота в том мире, где нет смерти.

Гаймелькот все чаще стал отказываться от исполнения своих шаманских обязанностей, чувствуя свое бессилие. Лишь в редких случаях, поддавшись уговорам доведенных до отчаяния родных и близких больного, он брался за бубен и камлал. Сеансы проходили мучительно: он долго не мог вызвать вдохновение — то состояние, когда горло начинает издавать священные звуки и тело помимо собственной воли дергается.

Удивительно, что больные у Гаймелькота большей частью поправлялись. Он никакой платы не брал, и это увеличивало его славу.

Лишь один виновник славы был равнодушен и не задумывался над своими удачными исцелениями. Он никак не мог забыть того солнечного летнего вечера, когда умерла жена, а он, обессиленный многодневным беспрерывным вызыванием на помощь добрых духов, не мог закрыть ей глаза.

Все свои помыслы он обратил на воспитание сыновей. Они росли сильными и всегда были сыты. Однажды после долгого перерыва Гаймелькот приехал в большое прибрежное селение, чтобы обменять добытые шкурки на товары в лавке американца. На крыльце лавки висел кусок красной материи, и было оживленно, как во время большого торгового дня.

— Теперь у нас другая власть, советская,— такими словами встретили знакомые Гаймелькота. — В лавке вместо американа торгует Интегралсоюз. Советская власть — власть для бедных.

Перемену власти Гаймелькот сразу почувствовал. Несмотря на его протесты, молодой лавочник отвалил столько товара за семь песцов, сколько Гаймелькот за всю свою жизнь не покупал. Уезжая в свою одинокую ярангу, шаман радовался, как ребенок. Он погонял собак, оглядывался на удаляющийся красный флаг и говорил вслух:

— Или лавочник сошел с ума, или действительно наступили необыкновенные времена.

Оправдалось второе предположение. Через несколько дней к Гаймелькоту приехали люди из приморского селения и издалека завели разговор о том, что ему нужно вступить в артель. Из любопытства Гаймелькот перегнал свое немногочисленное стадо в общий табун и принялся ждать, что будет дальше. Потом его уговорили отдать обоих сыновей обучаться грамоте, а затем посоветовали выбросить бубен, пояснив, что иначе его будут считать врагом новой власти, хорошей власти для бедных. Гаймелькот исполнил и это. Только на одно предложение он ответил категорическим отказом — переехать в прибрежное селение. Тогда ему сказали, что он колхозник, и дали план — двадцать песцов за охотничий сезон.

Гаймелькота снабдили новыми, металлическими капканами, о которых он раньше только мог мечтать. В первый же год он в пять раз перекрыл план, и его назвали ударником, как будто он не имел своего имени. Гаймелькот и раньше не мог пожаловаться на отсутствие внимания к себе, но теперь он твердо знал, за что его люди хвалят.

В один из приездов в приморское селение— он навестил сыновей, которые жили в интернате,— к Гаймелькоту подошел председатель колхоза и велел следовать за собой.

Возле бывшей лавки американа стоял человек с каким-то оружием, укрепленным на треножнике.

— Он сделает твое лицо для газеты,— торопливо сказал председатель и прислонил Гаймелькота к стене,— ты не бойся, он тебе вреда не причинит.

Человек долго наводил на Гаймелькота свое оружие, потом он велел стоять неподвижно и взял в руку тонкую черную кишку с блестящим наконечником. Раздался щелчок.

«Осечка», — с облегчением подумал Гаймелькот и отделился от стены.

Лицо Гаймелькота было действительно сделано. Он видел себя в газете и слушал, как сыновья наперебой читали ему заметку. Все было правильно в ней, и только одна маленькая деталь испортила настроение Гаймелькоту. В газете было написано, что он «бывший шаман»...

Сыновья выросли. Один окончил Анадырскую сельскохозяйственную школу и работал зоотехником, второй разъезжал по оленеводческим бригадам с Красной ярангой и показывал кино.

Когда к Гаймелькоту пришла старость, правление колхоза постановило выплачивать ему пенсию. Сыновья часто наезжали, привозили все необходимое и уговаривали отца переехать к ним в новый, светлый деревянный дом.

В приморском селении снесли последнюю ярангу. Даже семьи оленеводов стали оседать на центральной усадьбе колхоза, а Гаймелькот все жил один, в одинокой яранге на берегу Омваама. В селении на него косились и говорили вслед: «Что с ним поделаешь: бывший шаман».

Однажды к нему заехал молодой человек, который назвался ученым. Он говорил по-чукотски и объяснил свой приезд тем, что для науки надобно знать шаманскую терминологию, обряды, весь ритуал шаманского камлания. Гаймелькот спокойно ответил ему, чтобы он уезжал, пока нарта не ушла обратно на побережье.

С каждым годом все труднее было переносить одиночество. От сокровенных своих дум невозможно было убежать. Размышления приводили к одному выводу: смысл стремления человека к продолжению рода не только в том, чтобы обеспечить себе потомство, не только в том, чтобы не угас человеческий род, а также в том, чтобы старость не была такой одинокой и беспросветной...

☆ ☆ ☆

Арсен сказал Гаймелькоту, что все оборудование прииска полностью перевезено. Остались мелочи, и он делает последний рейс.

Арсен попил чаю в яранге Гаймелькота, сел на трактор и поехал на юг. Старик долго стоял на бугре, пока не скрылся с глаз ныряющий в тундровых холмах трактор с прицепленными санями.

Из всех времен года для Гаймелькота самой унылой была осень, и теперь наступила пора, когда он почувствовал ее приближение, хотя было по-прежнему тепло и воздух над маленькими тундровыми озерами дрожал от солнечного жара.

Через несколько дней на вершине тундрового холма показался трактор: это ехал Арсен.

Гаймелькот разжег костер и повесил над ним большой закопченный чайник. Пристроившись рядом с костром, он принялся строгать заварку из непочатой плитки чая.

Когда трактор был уже совсем близко и в окне кабины показалась лохматая голова Арсена, чайник закипел и брызги зашипели на горящих ветках стланика.

Трактор остановился у костра. Арсен едва вылез из кабины, но не спрыгнул, как обычно делал, а тяжело перевалился через гусеницы и сполз на землю.

Гаймелькот с беспокойством оглядел тракториста и жестами спросил, не заболел ли у него живот.

Арсен устало улыбнулся и сел рядом со стариком.

— Нет, здоров я. Только измучился с проклятой дорогой. Гусеницам не за что зацепиться.— Он повернул заросшее лицо к Гаймелькоту, который заботливо разливал по жестяным кружкам ароматный, крепко заваренный чай, и шутливо сказал: — Ты, всемогущий шаман, сделал бы что-нибудь такое, чтобы твои духи исправили дорогу. Морозец бы подкинул градусов на двадцать пять. Ох, не знаю, как я доберусь до прииска!

Как ни мало знал русских слов Гаймелькот, но он понял, что сказал ему тракторист. Будто дотронулись острием ножа до открытой раны. Но старик и виду не показал. Он вежливо улыбнулся и протянул Арсену большой кусок сахара.

— Подожди, дед,— отстранил его руку Арсен,— у меня кое-какие запасы остались.

Он принес из кабины несколько банок консервов и начатую пачку печенья.

Вдвоем они опорожнили чайник. Гаймелькот вызвался было еще раз наполнить его, но тракторист отрицательно покачал головой и обеими руками погладил себе живот.

Арсен пошел на берег, умылся и уселся в кабину.

— До свидания, дед! — крикнул он.— Теперь не скоро увидимся!

Трактор дернулся и медленно пошел, волоча за собой сани, утонувшие по самые борта в глинистой жиже.

Гаймелькот стоял возле потухшего костра и смотрел на уходящий трактор.

Трактор тяжело шел по слегка всхолмленной равнине. И вдруг он остановился. Гаймелькот слышал треск двигателя, видел, как вращаются гусеницы, но машина и сани стояли на месте.

Старик побежал. Он видел, как Арсен спрыгнул на землю, достал с саней обшарпанное бревнышко и подсунул под гусеницы. Мотор взревел, но трактор только дернулся, крутнулись гусеницы, и сзади, перед санями, показалось вымазанное в жидкой глине бревнышко.

Арсен снова соскочил на землю.

— Беда, дед,— тихо сказал он,— завяз!

Он отцепил сани и включил мотор. И снова то же самое. Бревнышко было далеко от-



[1] Женская одежда.

брошено вращающимися гусеницами. Когда Гаймелькот притащил его, оно оказалось сломанным пополам.

С большим трудом трактор все же удалось вывести из глинистой жижи. Но едва прицепляли сани, гусеницы начинали беспомощно вращаться, разбрасывая крупные брызги.

Понемногу Гаймелькот стал догадываться, в чем дело. Нужно подложить под гусеницы четыре-пять бревен, и тогда можно вытянуть сани. Но в заполярной тундре даже палку для посоха трудно найти...

Выбившись из сил, Арсен сел на борта саней и закурил. Гаймелькот раскрошил предложенную трактористом папиросу и набил трубку. Курили молча.

Мысль, которая пришла в голову Гаймелькоту, сначала напугала его: ведь совсем недалеко от его яранги врыты в землю отличные толстые жерди, как раз годные для того, чтобы подкладывать под гусеницы.

Арсен докурил папиросу, бросил в коричневую жижу и тяжело вздохнул. Этот вздох заставил Гаймелькота принять окончательное решение. Он кивнул Арсену и сказал по-русски:

— Пойдем, помогай.

Когда Арсен увидел лесок торчащих из земли толстых жердей, он не мог сдержать возгласа радости.

— Какомэй! — выкрикнул он по-чукотски единственное слово, которое знал.— Целый мост можно соорудить из этого леса!

Но когда подошел ближе и рассмотрел грубые лики идолов, он нерешительно остановился и вопросительно посмотрел на Гаймелькота.

Старик решительно ткнул себя в грудь и твердо произнес:

— Шаман нет!

И все же Арсен не решался.

Тогда Гаймелькот подпер плечом ближайшего идола и стал его шатать. Арсен принялся за второго.

...К вечеру трактор с санями вышел на хорошую дорогу.

Арсен сразу повеселел и запел песню. Гаймелькот смотрел на него и думал. Думал о том, что, вырвав из земли священные лики, он сам себя вырвал с корнями из прошлой жизни, и туда он уже не может вернуться.

— Я поеду с тобой,— сказал он Арсену.

Тракторист не удивился. Тракторная дорога на прииск проходила мимо домов центральной усадьбы, где жили сыновья Гаймелькота.

Старик пошел в ярангу и из всех вещей выбрал только старый винчестер, купленный у первого советского лавочника.

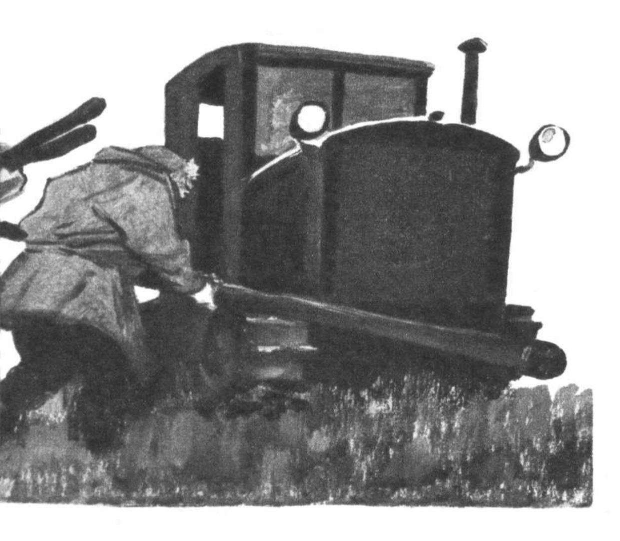
Арсен пригласил Гаймелькота в кабину, но старик отказался и примостился на санях, среди металлических деталей.

Трактор затарахтел, дернулись сани. Долго смотрел Гаймелькот на оставленную ярангу. Трактор двигался медленно, и прошло много времени, прежде чем она скрылась из глаз. За это время Гаймелькот с вершины своих лет успел мысленно взглянуть на прожитую жизнь, вспомнить даже малозначительные события.

Недалеко от центральной усадьбы Гаймелькот перебрался в кабину.

Слева, все шире разливаясь, текла река Омваам, неся свои воды в океан, синеющий вдали,— большой и глубокий, как небо.

Магадан.



С первой встречи все с собой взяла ты:
Запах трав весною голубой;
Клены, что, как хлопчики, когда-то,
В даль дорог тянулись за тобой;

Радугу, что в вышине парила;
Жар грозы, дыхание дубов,—
Все, что жгло, цвело и говорило,
Ты взяла с собой, моя любовь,

И в улыбке спрятала счастливой,
В глубине очей — на самом дне,
Так, как ливень выпивает нива,
Чтоб колосья пели в тишине;

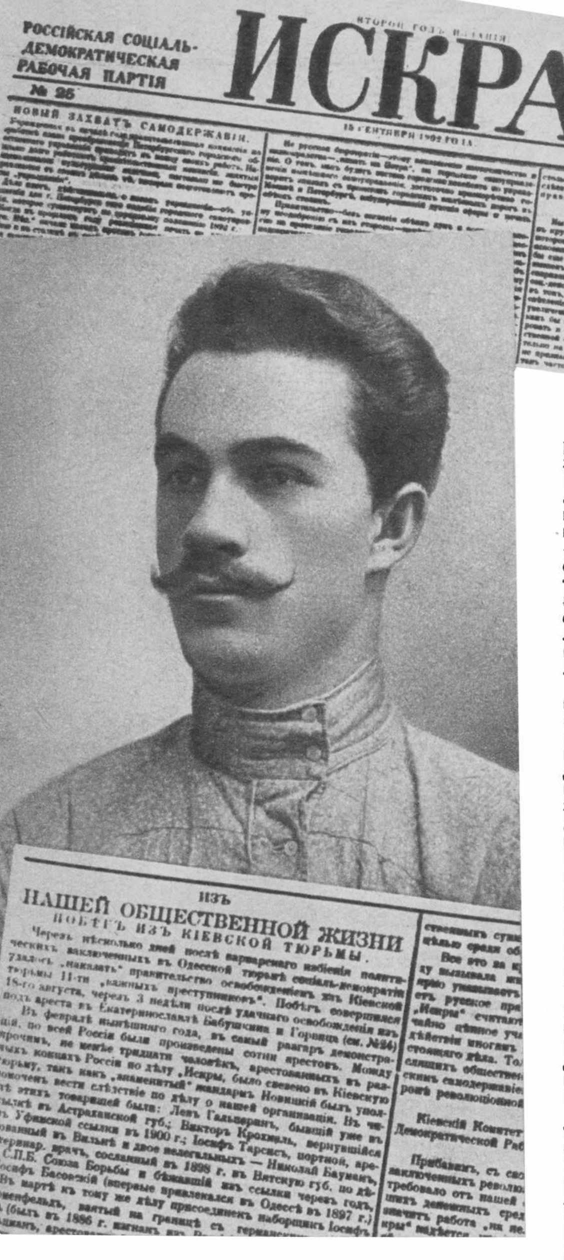
Чтоб, взглянув, как солнце золотое,
Озарить навеки мой порог;
Чтобы вновь вернулось все святое,
Без чего я дня прожить не мог!

Андрей МАЛЫШКО

Перевел с украинского Б. КЕЖУН.

Фото В. ГЕНДЕ-РОТЕ.

ПОБЕГ ОДИННАДЦАТИ...



Номер «Искры» за 15 сентября 1902 года со статьей о побеге искровцев.

Сергей Нетесин после освобождения из тюрьмы в мае 1902 года.

В феврале 1902 года, в разгар революционных демонстраций и забастовок, проходивших по всей России, были произведены сотни арестов. Несколько десятков человек, арестованных в разных концах страны по делу ленинской «Искры», были привезены в Киев и заключены в Лукьяновскую тюрьму. Жандармы готовили громкий политический процесс. Но неожиданно группа искровцев бежала. Побег одиннадцати спутал все карты, и судебный процесс провалился...

Мы решили отыскать кого-либо из тех, кто распространял «Искру» или кто помог бежать искровцам из киевской тюрьмы. Свои поиски мы начали с Центрального государственного исторического архива УССР. Сотрудник архива показывает нам несколько объемистых дел с документами. Внимание привлекает серая толстая папка под № 47 с надписью: «Дело о побеге из киевской тюрьмы одиннадцати политических заключенных, в том числе агентов «Искры» Баумана Н. Э., Крохмаля В. Н., Валлаха М. М. (Литвинова) и др. Начато 18 августа 1902 г., окончено 16 апреля 1904 г. На 30 страницах».

Первое, что бросилось в глаза, когда мы раскрыли дело, — это копия депеши, посланной начальником Киевского губернского жандармского управления генерал-майором Новицким в Петербург. Вот выдержка из нее:

«18 августа 9 вечера киевской тюрьмы бежали важные политические арестанты числе 11 мужчин... Побег совершен тюремную ограду высотою 8 аршин... Арестанты были выпущены прогулку после вечерней поверки до 20 человек... Затеяли темноте при свете тусклого фонаря для отвода глаз на прогулочном дворе игру...»

Любопытны подробности, кратко изложенные в докладной записке:

«В начале 9-го часа вечера один из трех гулявших мимо часового политических арестантов, которого другие политические арестанты называли «папашей»[1], быстро подошел к Аверченко и схватил его за горло, а другие — человек шесть — тотчас же накинули на голову одеяло и повалили его на землю. Аверченко успел только крикнуть «ратуйте», так как ему начали совать в рот платки и, кроме того, он чувствовал, что на нем сидят несколько человек».

В делах «давно минувших дней», в многочисленных донесениях, рапортах, протоколах допросов заключенных, материалах о деятельности комитета РСДРП и искровских организаций нам несколько раз попалась фамилия Нетесина, киевского рабочего, также привлекавшегося по политическому делу и сидевшего в Лукьяновской тюрьме до побега одиннадцати.

Эта фамилия нас заинтересовала. Она как будто где-то недавно промелькнула в печати. На наш вопрос о Нетесине работник архива Софья Ивановна Макаренко отвечает:

— Я сейчас пойду в фонды и поищу. Кажется, на него было заведено отдельное дело жандармским управлением.

Спустя некоторое время Софья Ивановна кладет на стол еще одну папку. На ней написано: «Дело № 110 прокурора Киевской судебной палаты о мещанине С. Р. Нетесине». В одном из документов, озаглавленном «Сведения о лицах, привлеченных в качестве обвиняемых к дознанию о преступной деятельности Киевского Комитета РСДРП и с.-д. группы «Искра», речь идет о 104 политических заключенных. Под номером 55 находим фамилию С. Р. Нетесина. Читаем:

«Нетесин Сергей Романович, мещанин, гравер, 31 года. Арестован 2 февраля 1902 года за участие в уличных беспорядках, в которых принимал самое деятельное участие и приглашал публику собираться в толпу. Наблюдениями Нетесин долго был известен как пропагандист в кружках рабочих, которых он снабжал нелегальной литературой. Привлеченный в качестве обвиняемого, Сергей Нетесин не признал себя виновным в преступлениях... Содержался под стражей со 2 февраля по 27 мая 1902 года. Затем состоял под ближайшим надзором военного начальства».

И вот наконец в наших руках адрес того, кто распространял газету «Искра», вел революционную пропаганду среди рабочих, устраивал нелегальные сходки. Дом под номером 17 по Борисоглебской улице стоит почти у самого Днепра. Третья квартира на втором этаже...

В комнате нас встречает пожилой человек, с небольшой седой бородкой и широким лбом, похожий на ученого. Когда мы напоминаем ему об архиве, документах, прочитанных в делах жандармского управления, о побеге искровцев из тюрьмы, Сергей Романович начинает волноваться.

— Помню ли я события тех далеких лет? — тихо переспрашивает старик. — Да разве можно забыть то, за что отданы молодость и здоровье? Никогда! А что касается организации побега одиннадцати заключенных из тюрьмы, то происходило это так...

Подростком Сергей Нетесин поступил на работу в литографию Корчак-Новицкого. Вскоре он стал членом нелегального кружка рабочих-печатников киевской организации РСДРП. Однажды во время работы к нему подошел наборщик этой же литографии Любимцев, который являлся членом комитета РСДРП. Он недолго постоял возле гравера, следя за его искусными руками, затем тихо шепнул: «Есть дело...» В тот же день на квартире у Любимцева Нетесин впервые получил пачку газет «Искра». С тех пор он стал одним из активных распространителей «Искры» — этой правды народной, как ее прозвали рабочие. Нетесин распространял «Искру» не только на предприятиях, но и на квартирах, в домах Предмостной Слободки, где жил рабочий люд.

2 февраля 1902 года Сергей Нетесин за участие в «антиправительственной демонстрации» в Киеве был арестован. Его заключили в Лукьяновскую тюрьму, где уже сидело много искровцев.

— Я попал в одну камеру с видными агентами ленинской «Искры». Мы познакомились, постепенно узнали друг друга. У охранки не было достаточно веских улик против меня, и через несколько месяцев они вынуждены были меня освободить. И вот перед выходом на волю искровцы, которые мне вполне доверяли, в частности староста по коридору М. Литвинов, поставили передо мной задачу: немедленно установить связь с Киевским Комитетом РСДРП. Искровцы считали, что я, будучи местным жителем, мог бы многое сделать для успеха побега. И вот наступил желанный день: я наконец вышел из тюрьмы. Было это в мае. Я сразу же связался с комитетом, рассказал об обстановке в тюрьме и предложил свои услуги — организовать побег и укрыть бежавших. Комитет выдал мне деньги для покупки лодки, чтобы можно было увезти вниз по Днепру бежавших товарищей.

Тем временем в тюрьме развернулась деятельная подготовка к побегу. Искровцы на прогулках под видом занятий гимнастикой играли в городки, устраивали живые пирамиды, причем главным образом у высокой кирпичной ограды, взбираясь друг на друга до ее вершины. Чтобы усыпить бдительность тюремной администрации, политические заключенные громко пели песни, отмечали «именины» товарищей. Комитет использовал и такой прием: в тюрьму под видом невест часто посылались красивые девушки, которые носили передачи — цветы, вино, закуски. Однажды «невесты» незаметно передали своим «женихам» небольшой железный якорь, веревки, деньги, бланки паспортов и необходимые для их оформления материалы...

Сергей Романович вспоминает, что побег искровцев откладывался несколько раз. И вот наконец настал удобный момент. В пасмурный вечер 18 августа 1902 года одиннадцать политзаключенных осуществили дерзкий и беспримерный в истории царской тюрьмы групповой побег.

— О предстоящем в этот день побеге я уже был осведомлен заранее, — рассказывает Нетесин. — В укромном месте «под парами» стояла моя лодка. Когда совсем стемнело, я услышал условленный сигнал. Я на него ответил. Вскоре в лодке уже сидел бежавший искровец Владимир Бобровский. В течение суток мы скрывали его в густых зарослях на левом берегу Днепра. Двух других — Мариана Гурского и Иосифа Пятницкого — укрыли на квартирах рабочих Предмостной Слободки.

Побег был так тщательно продуман и блестяще выполнен, что ни один из бежавших не был пойман. Правда, двое из одиннадцати через несколько дней после побега попали в руки полиции, но через короткое время им удалось освободиться.

Пресловутый «специалист» по «Искре» жандармский генерал Новицкий, который хвастался, что все агенты «Искры» у него теперь в руках, оскандалился на всю Россию. На этом закончилась его карьера.

В августе 1902 года бежавшие из Лукьяновской тюрьмы искровцы благополучно перебрались через границу. Собравшись в Швейцарии, в одном из цюрихских кафе, они отметили свой удачный побег. Тут же кто-то предложил «поздравить» телеграфно незадачливого генерала Новицкого с благополучным прибытием за границу лукьяновских узников. Это предложение было принято. Вскоре генералу доставили депешу, под которой стояли подписи всех беглецов.

Генерал Новицкий затем получил еще одну «пощечину». В Киеве, на Софийской площади, у памятника Богдану Хмельницкому, был обнаружен ящик, на котором крупными буквами стояла странная надпись: «Передается генералу Новицкому за ненадобностью». Когда полиция вскрыла ящик, в нем оказались изношенные шрифты подпольной типографии в Киеве, созданной М. С. Урицким, типографии, которую жандармы считали уничтоженной...

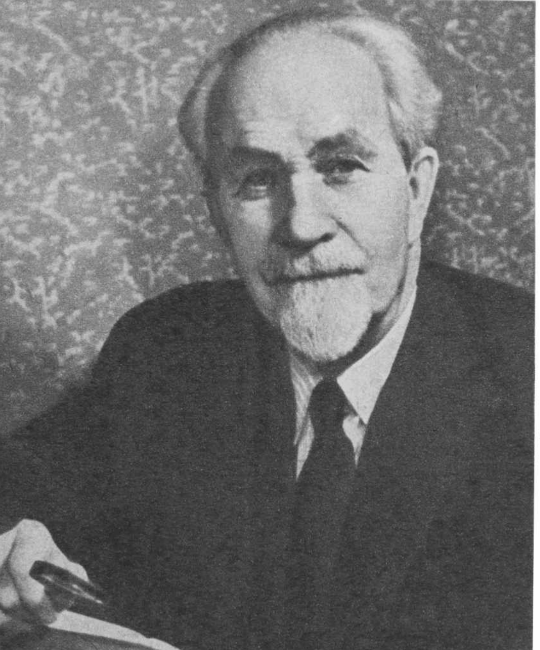
Сергею Романовичу Нетесину, одному из распространителей ленинской «Искры», сейчас уже около 88 лет. Но он бодр, энергичен, подвижен, сохранил хорошую память.

Задумчиво глядя в окно, где уже сгущаются синие сумерки, Сергей Романович говорит:

— Да, вот такие были тогда дела! Даже не верится, что с тех пор прошло почти шестьдесят лет...

В. МИХАЙЛОВ,
П. ПОРТНОВ

[1] Эту кличку носил М. Литвинов.



Сергей Романович Нетесин, персональный пенсионер.
Фото Ю. Зимолонга.

При дороге



Юрий НАГИБИН

Рассказ

Рисунок Ю. БАГРОВА.

Эта чайная расположена как раз на полпути между областным городом и неприметным поселком, которому в недалеком будущем суждено стать металлургическим центром края. Прежде тихое, шоссе живет сейчас напряженной жизнью магистрали. День и ночь мчатся машины: полуторки с разболтанными бортами, горьковские самосвалы, ярославские тягачи с двумя, а то и тремя прицепами, грузовики с кранами и ковшами, бензиновые цистерны, продовольственные фургоны. Впрочем, мчатся машины лишь из поселка в город, когда идут порожними, в поселок они ползут, одолевая крутые подъемы, захлебываясь воем на глинистых объездах, — дорогу на многих участках ремонтируют, заливают асфальтом, — и тяжко груженные машины забираются то в поле, то в тьму елового бора.

Чайная стоит на взлобке; она открывается внезапно после длинного и трудного подъема, где зияют колдобины, полные воды даже в засушливое лето; где в дождь и гололед буксуют колеса, глохнут моторы и машины идут боком, стремясь завалиться в глубокий кювет; где тело шофера дрожит, становясь частью перетруженного мотора, и деревенеет кольцо рук на баранке. И вот, когда машину толчком выбрасывает за гребень подъема, напряжение уступает место смертной усталости, перед глазами шофера неожиданно открывается с края дороги голубой дощатый рай. Кажется, будто чайная стоит в пустоте природы. На самом деле за березовым перелеском, подступающим к двору чайной, лепятся по косогору выселки, пять-шесть дворов.

Вмиг пропадает усталость. Шоферу рисуется привычная милая картина: припахивающая табачным дымом и пивом теплая духота; возбужденный гуд голосов; мокрая цинковая стойка; буфет, красиво уставленный пустыми коробками из-под шоколадных конфет и тортов; буфетчица в халате с закатанными рукавами, ловко отмеряющая мензуркой бодрящую влагу; подсохшие, но все равно вкусные бутерброды, а то и пухлые, брызжущие кипятком при надкусе сардельки. И это уже полное счастье!..

Но шофера-новичка ждет совсем иное. В чайной чисто, тихо, светло, даже празднично. Зимой хорошо растопленная печь наполняет помещение сухим, свежим теплом; летом в распахнутые, задернутые марлей окна веет луговой и лесной прохладой. Столы крыты чистыми бумажными скатертями; пол застлан белым рядном; в сенях висит рукомойник и чистое полотенце; в порог вделана железка, чтобы счищать грязь с подошв, сразу за дверью — вешалка для верхней одежды. На каждом столике живые цветы летом, еловые ветки зимой, судок с приправами и написанное от руки меню. Выбор блюд большой: тут и молочные продукты, и холодная закуска, и горячее: борщ по-московски, яичница, поджарка, жаренная в горчице колбаса. Здесь еду не готовят впрок: хлеб посетителю режут от батона, масло — от куска, колбасу — от круга.

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ



В самом начале пятидесятых годов ученик четвертого класса московской школы Игорь Васильев занимал первое место на всесоюзной выставке «Изобразительное творчество детей» и других выставках.

В 1953 году Васильевы переехали в Ригу. Игорь стал брать уроки лепки и композиции у выдающихся латышских скульпторов-монументалистов Карла Земдеги и Эмиля Мелдериса. Когда Васильеву исполнилось 17 лет, он стал студентом скульптурного отделения Академии художеств, создал несколько монументальных портретов в гипсе и мраморе.

Весной 1958 года в Риге выступал с концертами Ван Клиберн. Когда у Игоря Васильева улеглись первые бурные впечатления от концерта, он приступил к работе над портретом знаменитого пианиста.

Восемнадцатилетний скульптор решил показать Клиберна в момент творческого экстаза — с закрытыми глазами, крутым взлетом тонких, энергичных бровей и складкой на лбу. Портрет он осуществил в дереве: материал открывал перед ним самые широкие возможности пластического решения.

«Это образ большого музыкального звучания»,— написал один из зрителей в книге отзывов на IV выставке молодых художников в Риге.

Г. КАРКЛИНЬ

Но в чайной царит сухой закон, тут нет ни спиртного, ни пива, а на стене висит плакат: «У нас не курят».

В чайной работают две женщины: одна — молоденькая, голубоглазая, с ямочками на тугих щеках и круглом, нежном подбородке; другая — без возраста, костлявая, с серым, тяжелым лицом, не то впрямь старуха, не то до срока износившаяся в жизни. Молодую зовут Машенька; старую кличут между собой по-всякому, чаще всего — Дурында.

Обслуживает посетителей Машенька, Дурында помогает ей лишь при большом наплыве гостей. Она числится заведующей, но простаивает весь день за электрической плиткой, на которой готовит горячую пищу. Шоферы знают, что все чрезмерные строгости в чайной идут от Дурынды. Ну почему бы в промозглую осеннюю сырость или в зимнюю студь не опрокинуть стопку водки, а в летний зной не освежиться пивом? ОРУД не свирепствует на этой трассе, дорога прямая, а народ сознательный, знает меру. Но ни мольбы, ни ругань, ни угрозы написать в жалобную книгу не помогают: Дурынду невозможно ни уговорить, ни разжалобить. Коль уж слишком подступит к сердцу, шоферы обращаются к Машеньке. Та на что уж строгая девушка, а умеет понять чужую душу. Машенька вздохнет, покачает маленькой, в тугих светлых кудряшках головой, улыбнется грустно и раздобудет у старика сторожа чекушку водки или самогона. Незаметно примет в карман белоснежного передника деньги и чуть поведет на Дурынду глазами; держи, мол, ухо востро.

Шоферское дело, да еще на такой трудной дороге, не располагает к деликатности. Поначалу Машеньке пришлось наслушаться и крепких слов и соленых шуток. Но кроткое ее достоинство и милая, необидная строгость в конце концов возымели действие: она приучила водителей относиться к себе уважительно и даже бережно. И если кто из новеньких позволит себе по неведению вольность, его быстро призовут к порядку свои же братья-шоферы.

Бывало и так: какой-нибудь молодой водитель, не раз побывавший в чайной, начинал вдруг смотреть на Машеньку жалкими, ранеными глазами и однажды, отчаянно сбив на затылок промасленную кепку и побледнев лицом, тихо просил уделить ему «пару минут». Машенька вытирала руки о фартук, выходила вслед за шофером в сени или в палисадник и здесь выслушивала горячее, сбивчивое предложение руки и сердца. «Ну что вы, Коля (Вася, Миша, Петя), — говорила она, осторожно поглаживая плечо парня. — У меня и образования никакого, и неразвитая я, вы со мной скоро соскучитесь и бросите. А вы такой красивый, сильный, умный, у вас большая дорога в жизни, вы еще встретите девушку, которая вас стоит...»

Иному и впрямь казалось тогда, что он поспешил, что такому орлу нужна не горлинка, а орлица, и он оставлял Машеньку с легкой грустью и благодарностью. Но те, что поумней, после этой мягкой отповеди вдруг начинали стыдиться своих никогда не отмывающихся рук, грязного комбинезона, запаха бензина, навечно въевшегося в кожу, всего своего наломанного дорогами, огрубевшего существа. «И дернуло же соваться к ней, такой чистой, свежей, новенькой, не замаранной жизнью!» — со стыдом и болью думал шофер, вспоминая неудачное свое сватовство.

Окруженная почтительным восхищением молодых, теплой приветливостью старших, Машенька всегда была в ровно-радостном настроении и казалась вполне счастливой. И все же при взгляде на нее у многих сжималось сердце. Покидая чайную, водитель знал, что впереди его ждут электрические огни, радость нечаянных встреч, музыка, льющаяся из репродукторов, окон домов и распахнутых дверей клуба, и другие дары человеческого становья, а Машенька остается здесь, в пустой, безмолвной ночи, и рядом нет никого, кроме угрюмой Дурынды. И так вот одиноко, холодно течет ее молодость. Машенька не любила говорить о себе, но старые посетители знали, что близких у нее нет, только скупая и алчная бабка-самогонщица, живущая где-то на Курщине, да брат-дурачок, что поехал на целину заработать рубли, а вернулся в одной фуфайке. Не умея выразить свое сочувствие и жалость, шофер перед уходом застенчиво и хмуро совал Машеньке в ладошку мятые деньги и поспешно выскальзывал за дверь, прежде чем Машенька успеет отказаться. Нередко подмечал он злобный взгляд, какой бросала на Машеньку из кухонного своего закутка Дурында, и долго, с тяжелым чувством представлял себе, как пилит бедную девушку старая карга, когда они остаются вдвоем. Так оно и бывало.

— Опять водку подсучивала? — начинает Дурында, едва захлопнется дверь за последним гостем.

Машенька молчит, она привыкла к старухиной ворчбе. Спокойно и тщательно разбирает она накиданные на стойку бумажные деньги, разглаживает и складывает в кучки: рубли к рублям, трешки к трешкам, пятерки к пятеркам.

— Нахабарила! — ядовито говорит Дурында, орудуя мокрым веником. — Ужо дождешься, сообщу куда надо!

— А чего сообщать-то? — отзывается Машенька. — Чаевые не запрещены.

— А водкой из-под полы торговать тоже не запрещено?

Машенька не отвечает: она подсчитывает мелочь, а тут легко сбиться, к тому же она знает, что Дурында ничего никому не сообщит. Рот ее от напряженного внимания чуть приоткрылся, и в лице появилось что-то рыбье.

— Ох, Машка, Машка! — вздыхает Дурында. — И в кого ты такая дрянь?

— Спокойной ночи! — благожелательно говорит Машенька, прячет деньги в кармашек и через кухню уходит в свою комнату. Она нисколько не обижена на Дурынду; она испытывает к ней почти нежность за ее бескорыстие, не позволяющее ей посягать на чаевые.

Машенька запирает деньги в сундучок, раздевается, накручивает короткие, жесткие кудряшки на тряпочки и ложится в чистую, свежую, прохладную постель. Засыпает она сразу и спит глубоко, без сновидений. Лишь в первые минуты между сном и явью ей туманно и сладко мерещится образ ее будущего, когда, скопив достаточно денег, она навсегда разделается с «Голубым Дунаем» и заживет своим уютным домком. В сонной мечте воедино сливаются шорох черемуховых ветвей в палисаде, мычание возвращающейся с пастбища коровы, клохчущая суета несушки и густой ласковый голос ее неведомого избранника.

Дурында долго ворочается в своей постели под серым солдатским одеялом. Одолевает память, одолевают думы. То вспоминается муж, не пришедший с войны, то сын, которого не уберегла. Вспоминаются шоферы, посещавшие чайную, — самые пожилые и самые молодые. В пожилых всегда находилась хоть одна сходная черточка с покойным мужем: цвет глаз, щетинка усов, манера покашливать в сторону; в молодых она угадывала сына, каким бы он вырос, не урони она его теменем на рельсу, когда при эвакуации немецкие самолеты разбомбили эшелон и взрывной волной ее сбило с ног. Останься он в живых, может, тоже водил бы теперь тяжелые машины и, черный, усталый, улыбающийся, переступал порог чайной.

Порой ей кажется, будто на подъеме буксует грузовик; она приподымается на локте и обращает большое голое ухо в сторону, откуда доносится шум. Ноющий гуд вскоре замирает, и вслед за тем в кромешной тишине становится слышно, как кто-то робко, настойчиво и безнадежно дергает запертую дверь чайной. Тогда она вскакивает, наугад сует ноги в старые валенки, накидывает шубейку с вытершимся до мездры лисьим воротником и, длинная, тощая, похожая на привидение, идет открывать. Бранясь и жалуясь, наливает она удивленному, смущенному, порой даже испуганному ее обликом шоферу стакан кофе из термоса, дает холодную закуску. Освобожденный ее враждебной повадкой и зловещим видом от излишней благодарности, но насытившийся и согревший нутро, шофер уезжает, а она снова запирает дверь, гасит свет и возвращается в свою постель. Ей вовсе не нужна благодарность и вовсе не нужно, чтобы ее любили; ей достаточно того, что она любит этих черных, пахнущих бензином, часто грубых, иногда веселых, больше равнодушно-усталых дневных и ночных путников.

ВЫСТАВКА РАБОТ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ



М. Суздальцев. НАД ЗЕМЛЕЙ.



Н. Сапожникова. РОДИНА МОЯ.

☆

За весной спеша вдогоночку,
Дивясь всему вокруг,
Русокосая девчоночка
Одна пришла на луг.
Ну, а девичьи желания
Какой поймет чудак!
Может, вышла на свидание,
А может, просто так...

К ней склоняется с доверием
Душистая трава,
И от этой парфюмерии
Кружи́тся голова.
Так она могла б до вечера
Вдыхать настой хмельной.
Но ее винить нам нечего,—
Весна тому виной.



Ей открыта даль весенняя
От самого крыльца,
Как прямое подтверждение,
Что миру нет конца.
Ей видны всех рек излучины,
Прожилки всех дорог.
Навязался ей в попутчики
Влюбленный ветерок.

Перед ней простор невиданный,
Бескрайние пути.
Кто из вас не позавидует:
Ей нет и двадцати!
И синей сатина лучшего
Над нею небосвод.
А она стоит задумчиво
И все кого-то ждет...

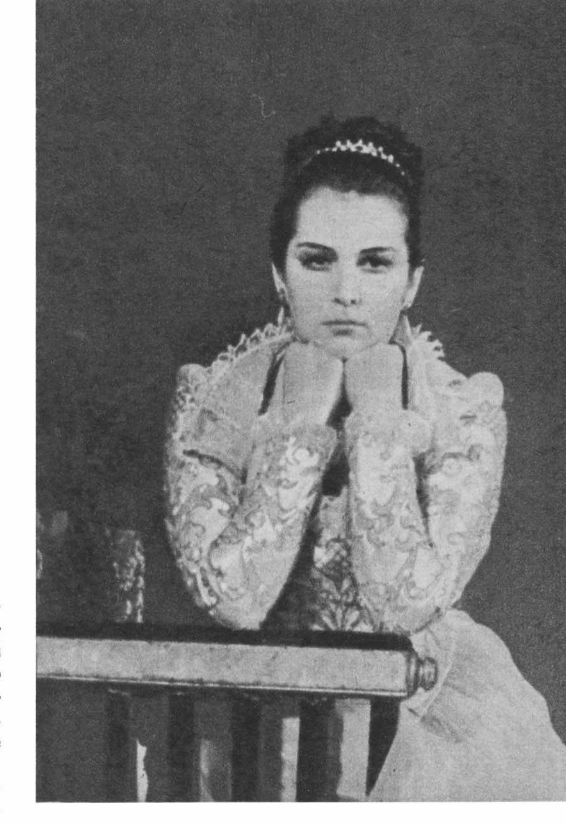
Мих. МАТУСОВСКИЙ



Г. Королев. ДОЯРКИ.

И. КУЗНЕЦОВА

Молодые голоса







На площадке городской лестницы стоит стройный юноша в колете и ботфортах. Перед ним лежит просыпающаяся от сна Падуя, голубое небо сверкает над ним, и чем-то он похож на юного Д'Артаньяна, приехавшего шпагой завоевать Париж. Правда, у этого юноши по имени Петруччио более мирные намерения: он всего-навсего хочет выгодно жениться. Конечно, знай он, что его невестой станет Катарина, он не был бы столь самоуверен... Вот рассерженная Катарина тигрицей врывается в комнату. За ее спиной раздается дерзкое: «Здорово, Кет!» Девушка оборачивается. Глаза Катарины впервые встречаются с глазами Петруччио... и оба застыли в восторженном изумлении.

У Шекспира нет прямых указаний на то, что герои его «Укрощения строптивой» сразу влюбились друг в друга. Однако молодые певцы Евгений Кибкало и Тамара Милашкина, следуя замыслу композитора, убеждают нас в том, что это действительно так.

— Певцы?.. Композитор?— спросите вы.—Ведь «Укрощение строптивой» — комедия Шекспира!

Да, но мы говорим о написанной на ее сюжет опере В. Я. Шебалина, поставленной Большим театром.

Однако если Петруччио и Катарина сразу влюбились, то как же развивается действие дальше? Не потерялся ли от этого смысл комедии? Увидели ли зрители, как происходит самое «укрощение» строптивой?..

О, конечно! Мы увидели такое действие, такое «укрощение», темпераменту и искренности которого могла бы позавидовать самая образцовая сцена драматического театра.

Любовь — это, конечно, очень много. Но есть еще характеры. Есть гордость, самолюбие. И чем более сильное потрясение испытали герои при встрече друг с другом, чем глубже пережили власть впервые вспыхнувшего чувства, тем с большей нетерпимостью они отстаивают затем свою самостоятельность, стараются подчинить себе один другого. Идет блестящий поединок двух характеров, двух воль, двух темпераментов. Тема любви, впервые возникшая в оркестре при встрече Петруччио и Катарины, тонет в бурном натиске двух лейтмотивов: ласкающем, скрыто-насмешливом и грациозном — Петруччио (тема «укрощения») — и резком, колючем по интонациям — строптивой Катарины. Словно удары шпаг, сверкают реплики в стремительном речитативе-диалоге, все выше поднимаются голоса, все нарастает раздражение, все развивается ссора... И все-таки они влюблены друг в друга! Это подтверждает и оркестр... Вот Петруччио, перехватив руку Катарины, поднятую для удара, медленно поднес ее к губам. Он созорничал, ожидая, что из этого выйдет. Вышло же неожиданное для обоих: Петруччио и сам растворился в своем поцелуе, забыв про все и всех, и Катарина замерла, боясь шелохнуться, спугнуть очарование первой ласки. А потом, опомнившись от пережитого потрясения, оба вновь изощряются в насмешках и присматриваются один к другому, как боксеры в поисках незащищенного места...

Великолепно сделана эта сцена режиссером и актерами. И все-таки основным выразительным средством остаются их молодые голоса. Легкий, звонкий баритон Кибкало сообщает его Петруччио юношескую подвижность; красота тембра облагораживает резкость некоторых острых реплик... В звучном, ровном сопрано Милашкиной слышится такая жизненная сила, в грудном, бархатистом голосе— такая искренняя взволнованность, что зритель понимает, — этой Катарине некогда разбираться в тонких переживаниях своей души: девушку целиком захлестнуло не изведанное ранее чувство. Любовь впервые коснулась Катарины, и она переживает ее наивно, открыто и бурно.

Петруччио-Кибкало и Катарина-Милашкина отстояли, отвоевали свою любовь в самой, может быть, тяжкой борьбе с собственным упрямством и гордостью, с собственным, слишком легко ранимым самолюбием. И вот тогда в оркестре вновь начинает широко и победно звучать тема, возникшая еще во время первой встречи героев. Голос Петруччио впервые за весь спектакль сливается с голосом Катарины в восторженном гимне любви. Их дуэтом и завершается веселая и драматичная, лирическая и комедийная история «укрощения» строптивой...

Такую историю рассказали нам молодые артисты Большого театра Е. Кибкало и Т. Милашкина.

Когда же Катарину поет первая исполнительница партии — Г. Вишневская, зрители становятся свидетелями несколько иной внутренней борьбы между героями оперы.

Катарина Вишневской ослепительно красива внешне, но еще более «колюча» внутренне. Ее движения и манеры отмечены некоторым даже высокомерием, и только голос передает пленительную женственную хрупкость. Ее лиричность скрыта. Не дерзостью, нет. Она действительно строптива и своенравна. И Петруччио-Кибкало приходится вести с этой Катариной серьезную войну. Его планы преследуют одну цель: переупрямить Катарину, показать Катарине, словно в зеркале, ее собственное лицо.

Покоренный красотой и удивительной прелестью девушки, Петруччио-Кибкало сражается за ее любовь и заставляет полюбить себя, борясь с Катариной ее же собственным оружием. И когда Катарина-Вишневская, усмиренная вспыхнувшей в ней любовью к Петруччио, является на его зов, красота девичьего облика и прелесть голоса сливаются в гармоническом единстве: смягчившаяся, полюбившая Катарина впервые стала сама собой.

Как видите, это уже иная история и иные — более взрослые — характеры. Их своеобразие, несомненно, рождено неисчерпаемым шекспировским богатством, а также живостью и взволнованностью действия оперы В. Шебалина, талантливостью музыкальных характеристик. Но ясно также и то, что это своеобразие порождено различием творческих трактовок, различием, кроющимся в основе дарования самих певцов.

Молодые солисты пришли на сцену Большого театра из разных концов страны: Галина Вишневская из Ленинграда, Тамара Милашкина из Астрахани, Евгений Кибкало с Украины.

...Трех молодых артистов объединяют роли, создаваемые ими на сцене. Они часто встречаются, представляя то Пушкина, то Шекспира, то Толстого... И зрители, увлеченные изяществом образов Вишневской, искренним темпераментом героинь Милашкиной и благородством характеров, создаваемых Кибкало, быть может, не всегда знают, сколько энергии, мысли, труда вложено артистами в их творения...

Профессия оперного певца — одна из самых сложных в искусстве сцены. Она требует не только вокальных и актерских данных, музыкальности, пластичности. Все это дары природы. Но им еще предстоит стать явлением искусства. А это приходит в результате нелегких, кропотливых ежедневных и многочасовых занятий...

Что ж, они немало потрудились, эти трое юных исполнителей, и поэтому так пленительно звучат под сводами Большого театра их молодые голоса.

На снимках сверху вниз: Г. Вишневская, Т. Милашкина, Е. Кибкало в «Укрощении строптивой» на сцене Большого театра Союза ССР.

Фото Б. Борисова.



Рассказ

А. Дж. КРОНИН

Рисунок Ю. РЕБРОВА.

Два веронца

Наша машина мчалась по шоссе у подножия Альп. Мы приближались к итальянскому городу Вероне.

Недалеко от города два маленьких мальчика у дороги остановили нас. Они продавали землянику и еще какие-то красные ягоды, ярко блестевшие на зелени листьев, устилавших их корзинки.

— Не покупайте у них, синьоры,— сказал Луиджи, наш осторожный шофер.— В Вероне вы достанете ягоды куда лучшего качества, да и, кроме того, эти ребята...— И он брезгливо передернул плечом, намекая, очевидно, на потрепанную одежду мальчиков. На одном из них была старая фуфайка и коротенькие желтые штанишки; другой был одет в перешитую солдатскую гимнастерку, свободно болтавшуюся на его худеньком теле.

И все же, взглянув на эти маленькие фигурки, на смуглую кожу, спутанные волосы и черные, пытливые глазенки ребятишек, мы почувствовали к ним необъяснимую симпатию. Мой спутник вступил с мальчиками в разговор. Оказалось, что они братья. Старшему, Николо, было тринадцать лет; другой, Джакопо, храбро подошедший к самому авто, был на год моложе.

Мы купили у них самую большую корзинку ягод и двинулись дальше.

Верона оказалась прелестным старинным городком. Нас встретили тихие средневековые улочки и чудесные дома нежной бледно-палевой окраски. Мы вспомнили, что это город Ромео и Джульетты.

Только что закончившаяся война не пощадила и Вероны. Под бомбежками погибли ее красивые мосты, но город не потерял своей живости и очарования.

На следующее утро мы вышли из отеля и отправились на прогулку по городу. В небольшом сквере у фонтана я заметил двух маленьких чистильщиков сапог, проворно обслуживающих своих многочисленных клиентов. Это были наши вчерашние знакомые. Дождавшись некоторого затишья в их работе, мы подошли к мальчикам. Они узнали нас и заулыбались, как старым друзьям.

— Я думал, что ваша основная работа — продажа ягод,— сказал я.

— У нас много разных профессий, сэр,— серьезно ответил Николо,— мы часто, например, водим иностранцев по городу, показываем гробницу Джульетты и другие интересные места...— При этом мальчик взглянул на меня с тайной надеждой.

— Хорошо,— улыбнулся я,— покажите нам все, что стоит посмотреть.

Пока мы бродили по Вероне, я присматривался к ребятам, и что-то в их поведении все больше возбуждало мое любопытство.

Это были дети, наивные и простые. Джакопо, несколько бледный мальчик, был живой и подвижный, как белка. На лице Николо часто играла спокойная улыбка. Вместе с тем мне казалось, что во взорах ребят порой проскальзывает какая-то странная серьезность; во всем поведении мальчиков чувствовалась целеустремленность, необычная для их лет и внушающая невольное уважение.

В течение следующей недели мы часто видели мальчиков, которые оказывали нам самые разнообразные услуги. Нужно ли было купить американские сигареты, достать места в оперу или узнать название ресторана, где подают равиоли, Николо и Джакопо выполняли все это быстро, точно и с обычной своей дружеской готовностью. Что больше всего поражало в них — это необычайная работоспособность, неутомимость и находчивость. Днем, под палящими лучами летнего солнца, или в холодные вечера, когда с гор дует пронизывающий ветер, наши молодые друзья были всегда за работой: чистили ботинки или торговали фруктами, продавали газеты или водили туристов по городу, часто бегали по разным поручениям и использовали всякую другую возможность что-то делать и чем-то заработать несколько монет. Не забудьте, что это происходило в городе, экономика которого, подорванная войной, предоставляла не так-то много возможностей для заработка.

Однажды ночью, возвращаясь в отель, мы наткнулись на мальчиков в безлюдном, полутемном сквере. Николо, бледный от утомления, а может быть, и недоедания, сидел на выступе тротуара, прислонясь к стене. У его ног лежала пачка непроданных газет. Джакопо спал, положив голову на плечо брата. Было около полуночи.

— Почему вы здесь так поздно? — спросил я, пораженный.

Николо вздрогнул от неожиданности, метнул на меня независимый взгляд и ответил деловито:

— Ждем последнего автобуса из Падуи, чтобы продать пассажирам эти газеты.

— Друзья, разве это так уж важно?! — воскликнул я.— У вас обоих очень усталый вид; шли бы вы лучше отдыхать.

— Мы не жалуемся, сэр,— вежливо, но вместе с тем и холодно возразил Николо, явно уклоняясь от дальнейших разговоров.

Утром, когда я вышел к фонтану, ребята уже сидели на своих обычных местах. После того, как Николо покончил с моими ботинками, я спросил его:

— Послушай, Николо, судя по тому, как вы с братом трудитесь, у вас должен быть недурной заработок. Вы ничего не тратите на одежду, едите мало; ваша еда, как я заметил,— это почти всегда черный хлеб с инжиром. Скажи мне, дружище, куда же вы деваете деньги?

Мальчик густо покраснел. Он был явно смущен и опустил глаза.

— Наверное, вы копите деньги, чтобы перебраться в Америку? — продолжал я.

Николо взглянул на меня исподлобья и сказал с запинкой:

— Конечно, нам очень хотелось бы поехать в Америку, но сейчас у нас другие планы.

— Какие же?

Он попытался улыбнуться с тем странным



выражением лица, которое всегда озадачивало меня.

— Просто планы, сэр,— послышался его уклончивый ответ.

— Ну, как знаешь. Мы уезжаем в понедельник. Может быть, я мог бы сделать что-нибудь для вас до отъезда?

Николо отрицательно покачал головой, но Джакопо вдруг возбужденно вскочил.

— Сэр,— выпалил он,— по воскресеньям мы ездим к себе в деревню, в Полету, это в тридцати километрах отсюда. Обычно мы берем напрокат велосипеды, но уж если вы так добры, то, может быть, вы прикажете Луиджи отвезти нас туда завтра на вашей машине?

Я уже обещал Луиджи, что отпущу его на воскресенье, и поэтому, подумав, ответил:

— Хорошо, ребята, я отвезу вас завтра в деревню сам.

Наступило молчание. Николо с неодобрением смотрел на брата; тот, смутившись, бормотал, что он не хотел бы причинять мне беспокойство. Я попытался, как мог, успокоить ребят, и на следующее утро мы уже катили втроем по направлению к Полете — маленькой, живописной деревушке, затерянной в горах среди каштановых рощ на берегу глубокого синего озера.

Я предполагал, что в Полете мы подъедем к какой-нибудь старой, покосившейся избушке, но представьте мое удивление, когда Джакопо попросил меня остановиться у большой, красивой виллы с красной крышей, обнесенной высоким каменным забором.

Я не верил своим глазам, но, прежде чем успел опомниться, мои юные пассажиры уже выпрыгнули из машины.

— Мы не задержим вас, сэр; через час мы вернемся. Может быть, вы подождете нас вон в том кафе? — И они исчезли за углом каменной ограды.

Поколебавшись, я решил последовать за ребятами. Дорожка привела меня к красивой решетчатой калитке, и я решительно нажал кнопку звонка.

Через минуту в дверях показалась миловидная, румяная девушка в больших очках. С изумлением я отметил на ней белое одеяние медицинской сестры.

— Я только что привез сюда двух мальчиков.

Она улыбнулась.

— Да, да, Николо и Джакопо! Проходите, пожалуйста, я провожу вас наверх.— И она гостеприимно распахнула передо мной дверь.

Мы прошли через прохладный вестибюль и попали в широкий коридор с натертым до зеркального блеска полом. По бокам коридора виднелись белые двери с табличками. Сомнений не было: я находился в загородной лечебнице.

Сестра провела меня на второй этаж и усадила на балконе, откуда открывался прелестный вид на тенистый сад и голубую гладь горного озера. Она приложила палец к губам и взглядом показала на окно рядом с балконом.

В комнате за окном я увидел своих ребят у постели молодой девушки лет двадцати. Девушка полусидела на кровати, опираясь на груду подушек, и внимательно слушала мальчиков, которые что-то оживленно рассказывали ей, перебивая друг друга. На лице больной горел лихорадочный румянец, а на губах блуждала мягкая и нежная улыбка. С первого же взгляда бросалось в глаза ее сходство с братьями.

У постели на столике стоял букет полевых цветов, ваза с фруктами и лежала стопка книг.

— Может быть, вы пройдете к ней? — прошептала сестра.— Лючия будет рада познакомиться с вами.

Я покачал головой и направился к выходу. Мне не хотелось нарушать эту семейную идиллию.

Внизу я остановился и попросил сестру рассказать историю этих мальчиков. Девушка охотно согласилась.

Николо и Джакопо — сироты. Лючия — их сестра. Отец мальчиков, вдовец, известный в свое время певец из Ла-Скала, погиб на фронте в первые же месяцы войны. Вскоре затем бомбой разрушило их дом, и трое ребят остались на улице. В мирное время семья жила в достатке, Лючия брала уроки пения и готовилась стать оперной певицей.

Можно вообразить себе, что пришлось испытать детям, вдруг среди зимы оказавшимся без крова и пищи. Первое время они жили в хижине, сколоченной собственными руками на развалинах полуразрушенного дома.

В город пришли немцы, и в течение трех страшных лет жители стонали под жестоким игом оккупантов. Ребята научились ненавидеть этих незваных, грубых узурпаторов, и когда в стране стало зарождаться подпольное движение Сопротивления, они первыми присоединились к нему. Это была далеко не детская «игра в войну». Джакопо и Николо оказывали ценные услуги патриотам, используя хорошее знание окружающей местности. Мальчики работали связными между отрядами Сопротивления и, что было еще более опасным, собирали сведения о передвижениях немецких войск.

— Они работали замечательно, эти прекрасные ребята,— продолжала сестра, смахивая непрошеную слезу.— Сколько раз, рискуя жизнью, они ночами пробирались по горным тропинкам с донесением, спрятанным в башмаке; сколько раз они были на волосок от гибели! Но вот наконец все кончилось. Наступает мир. Они могут теперь вернуться к своей любимой сестре, заменившей им мать. И что же? Они возвращаются и находят ее прикованной к постели туберкулезом позвоночника — последствия страшных лет войны.

Девушка замолкла, а затем продолжала со вздохом:

— Новый неожиданный удар не сразил мальчиков. Они мужественно, как настоящие мужчины, понесли тяжелую ношу. Мальчики привезли сестру к нам и уговорили принять ее в лечебницу. За истекший год здоровье ее стало значительно лучше, и теперь есть надежда, что когда-нибудь она опять станет на ноги и, может быть, снова запоет.

Конечно,— продолжала сестра,— положение в стране сейчас очень нелегкое; тяжело с продуктами питания, все дорого, и лечебница не может предоставлять свои услуги бесплатно, но братья аккуратно вносят плату за сестру каждую неделю. Мне не известно, как они зарабатывают деньги, я их и не спрашиваю. Я знаю, что в Вероне не просто сейчас достать работу, но где бы они ни работали, я уверена, что они делают свое дело хорошо.

— Да,— согласился я,— они не могли бы делать его лучше.

Я подождал братьев в саду и затем повез их обратно в город. Они сидели в машине около меня молчаливые, но спокойные и внутренне удовлетворенные. Я не сказал им ни слова, я хотел, чтобы они остались при убеждении, что сохранили свою тайну.

Печальная история их жизни, их нежная и преданная любовь к сестре глубоко тронули меня. Война и ее ужасы не сломили этих мальчиков. Судьба раньше времени сделала их взрослыми, но они встретили ее удары смело и гордо.

В их безграничной самоотверженности открывалась мне одна из благородных сторон человеческой жизни, и это вселяло новую надежду на лучшее будущее человечества.

Перевел с английского Н. АРИСТОВ.

ПЕРВОЕ МАЯ В ЛЕЙПЦИГЕ

Всеволод АЗАРОВ

От дома вдали,
На чужбине сегодня встречаю —
В Германии —
Праздник счастливого Первого мая.
И мне корабли на Неве
Вспоминаются снова,
Я вижу величие
Площади нашей Дворцовой.
Там лучший из лучших
Торжественно перед рядами
Несет опаленное грозами
Города Знамя.
Идут знаменосцы рабочих районов
На площадь,
Ветвями шумит над колоннами
Алая роща.
...Я в Лейпциге нынче
Поднялся еще до рассвета.
Дома в голубые
И красные ленты одеты.
И голуби дремлют, нахохлившись,
В каменных нишах,
И в пригород я, торопясь,
К Русской улице вышел.
Мне надо привет передать
Неприметному крову,
Где высекло первую искру
Победное слово
В начале столетья,
Которое правнукам близко:
Печаталась в комнатах этих
Свободная «Искра».
Здесь ленинский почерк
И первая правка набора...
Все улицы Лейпцига
Я обойду, по которым
Шел Ленин когда-то.
Здесь мирное солнце сияет,
И семьями люди встречают
День Первого мая,
И песня «Навстречу заре»
С юных лет мне знакома,
И алые стяги
Меня осеняют, как дома!

Железное дерево

Сулейман РУСТАМ

Я железное дерево
Видел в талышском лесу
И душою уверовал
В железную эту красу.
Запрокинувши голову,
Я смотрел, как темнеют
вверху
Эти ветви тяжелые,
Будто óтлитые в цеху.

Дули ветры жестокие,
Но дождям и разливам назло
Наливалось ты соками,
В сердцевину земли ты вросло.
Тучи клочьями серыми
Проплывали в горах Талышá.
У железного дерева,
Видно, впрямь из железа душа!
Не страшны ему молнии
И нежданного грома удар.
И летящими волнами
Перед ним багровеет Хазар.

Перевел с азербайджанского А. ПЛАВНИК.

О. ШМЕЛЕВ Фото И. ТУНКЕЛЯ.

В субботу вечером 12 апреля 1919 года, после работы, в депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги собрались пятнадцать человек — тринадцать коммунистов и двое сочувствующих. Надо было промыть три холодных паровоза — «ЧН-358», «Y-505» и «О^{в}-7024» — и к утру вывести их под составы. В шесть часов утра паровозы, пройдя через поворотный круг, выкатились на волю, готовые принять поезда. И пятнадцать человек, все в мазуте, не продышавшиеся толком после чадного воздуха депо, скинули шапки с голов и спели «Интернационал»...

Это был первый коммунистический субботник, из которого вскоре разрослось народное движение, названное Владимиром Ильичем Великим почином.

Спустя год, в праздник 1 Мая, уже проводился Всероссийский субботник-маевка, и Владимир Ильич выкроил время, тоже вышел на маевку в Кремле. Ленину почин рабочих был дорог тем, что он увидел в нем зерно дня завтрашнего — зародыш коммунистического труда.

Много красных дат записано в биографию советского рабочего класса, но будущий историк, изучая этапы его шествия в коммунизм, рядом с листками календаря от 12 апреля 1919 года и 1 мая 1920 года положит перед собой листок, на котором стоит дата «13 октября 1958 года». В этот день в депо Москва-Сортировочная — у истоков Великого почина — родилось новое движение. В тепловозном цехе рабочие собрались обсудить предложения партийно-комсомольской группы. И приняли постановление, в котором были такие строки:

«Мы вступаем в коммунизм. Работать и жить по-коммунистически, так, чтобы была видна во всех наших поступках высокая личная ответственность за общее дело строительства коммунизма,— это является нашим горячим стремлением».

Так началось соревнование за право носить звание коллектива коммунистического труда. Так еще раз утвердила себя лучшая традиция рабочего класса — шагать во главе масс...

→

Из тридцати двух человек, работающих в тепловозном цехе, двадцать шесть учатся в институте, техникуме, школе. И, конечно, друг у друга.

Поэтому в заповедях коллектива коммунистического труда записали: «Свои знания и опыт не держать в кубышке, а делить на всех... Сам не можешь сделать — не гордись, обратись к товарищу».

Когда, например, у Геннадия Малкова (слева) возникла идея приспособления для зачистки коллекторов, он рассказал об этом Юрию Мещерякову и Александру Лебедеву.

Дух товарищества всегда и во всем, презрение к мелочному индивидуализму — вот главное, что окрашивает всю жизнь коллектива. Примеры? Ну хотя бы такой случай.

Очередную премию за перевыполнение плана — несколько тысяч рублей — решили не делить и купили на нее мебель двум своим товарищам — новоселам, получившим квартиры...

У ИСТ



Если вы заговорите в тепловозном цехе депо Москва-Сортировочная о преемственности, о традициях, тут обязательно вспомнят день, когда с Дальнего Востока в депо был приведен паровоз «О^{в}-7024». Да, да, тот самый, который был отремонтирован на первом субботнике в 1919 году! Его почистили, покрасили и поставили на вечное хранение. Коллектив коммунистического труда взял над ним шефство.

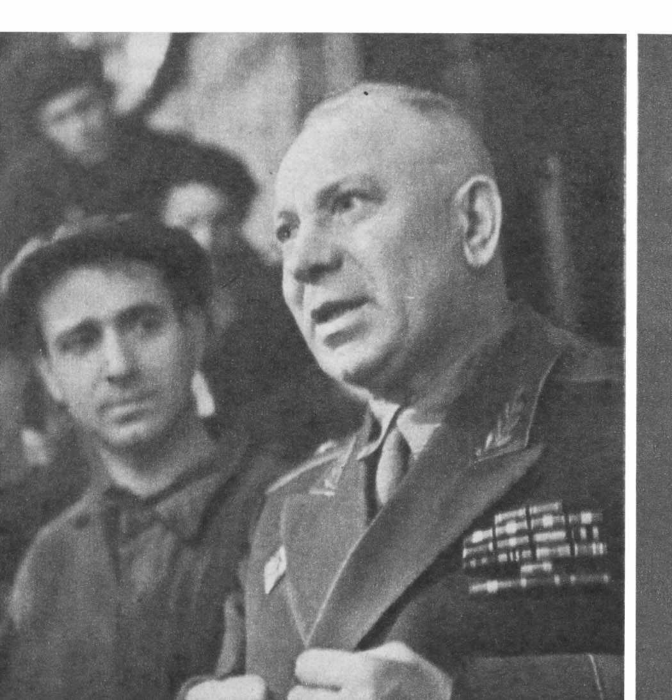






ОКОВ

Так выглядят современные канавы, на которых ремонтируют электровозы и тепловозы. А в документах, рассказывающих о депо времен 1919 года, говорится: «Во всем депо горел один керосинокалильный фонарь, а в мастерских коптили пятилинейные лампы. На канавах работали при свете факелов».



Коммунисты и комсомольцы цеха коммунистического труда хотели отметить день рождения Ленина по-своему. И очень кстати оказался совет Михаила Петровича Еремина, участника первомайского субботника в Кремле в 1920 году. Он приезжал в цех, рассказывал о Владимире Ильиче и, между прочим, подал мысль: а почему бы им не посадить в память этой даты хотя бы небольшую рощицу!

...Роща посажена на субботнике недалеко от депо. В ней девяносто деревьев.



Суеверный Трусохвостик



СКАЗКА

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. БАЖЕНОВА.

Заяц, по прозвищу Трусохвостик, был, как вы, очевидно, догадались, не из храброго десятка. Наоборот, это был самый трусливый и суеверный зайчишка из всех известных нам зайцев. Он верил во всякие глупые приметы, и все-то ему казалось, что с ним что-то должно случиться и он непременно попадет в какую-нибудь прескверную историю.

Так оно и случилось.

Самолет, на котором Трусохвостик должен был лететь по срочным делам, вылетал в понедельник, тринадцатого числа. Ни один из суеверных зайцев не рискнул бы подняться в воздух в понедельник, да еще тринадцатого числа! Ведь не зря понедельник считается тяжелым днем, а тринадцатое число — числом роковым. Но делать было нечего: билет на самолет взят и отложить полет по многим причинам невозможно.

Трусохвостик машинально взглянул на номер билета: № 2353.

Он сложил в уме цифры: два плюс три плюс пять плюс еще три... Получилось — тринадцать! Ощущая легкую дрожь в коленках и хвостике, он сложил цифры в обратном порядке: три плюс пять плюс три плюс два... Получилось то же самое! Кругом тринадцать!..

А когда на аэродроме по радио объявили посадку на самолет № 13-13, отлетающий тринадцатым рейсом, бедный Трусохвостик совсем упал духом.

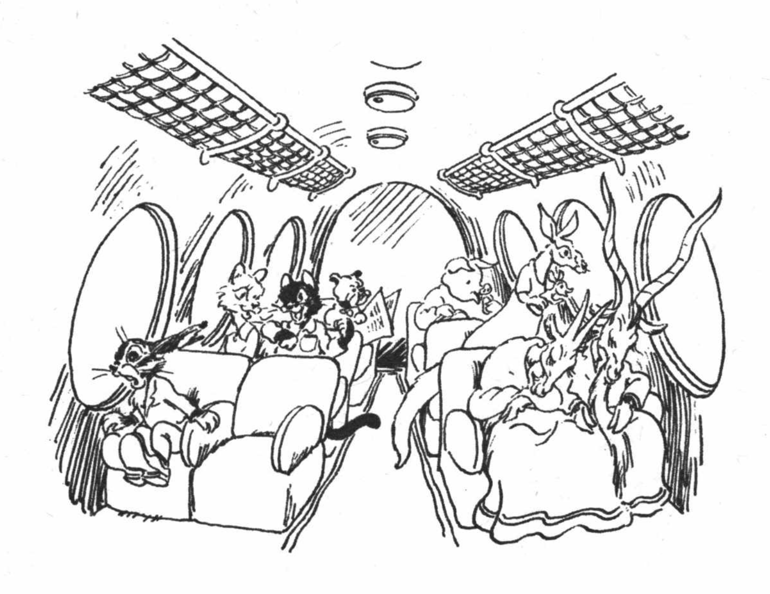
Заняв в самолете свое место, Трусохвостик огляделся. Далеко не все кресла были заняты пассажирами.

Первые места занимали Козел и Коза. На вид им обоим можно было дать больше ста лет. У Козла был очень ученый вид, и, судя по его белой бородке, можно было предположить, что он по крайней мере капустный профессор.

Справа, возле окна, сидела Кенгуру. Из сумки на ее животе выглядывал маленький Кенгуренок, очень похожий на мать.

Позади Кенгуру расположилась толстая Хавронья. Хрюшка едва помещалась в своем кресле. Не успев сесть, она раскрыла голубой мешок на «молнии» и начала с аппетитом чавкать, поглощая взятые в дорогу продукты.

Наискосок от хрюшки сидел Мопс. Он принадлежал к породе собак, отличающихся самонадеянным видом. Трудно было определить его возраст. Глаза у него слезились, но он был еще достаточно молод для того, чтобы принимать участие в собачьих выставках. Трусохвостик, сидевший недалеко от него, обратил внимание на несколько серебряных медалей, звеневших на ошейнике тупоносого пассажира. Откинувшись на спинку кресла, Мопс читал «Ветеринарную газету».



Дальше сидели Кот и Кошка. Усатый Кот с первого взгляда не понравился Трусохвостику. Во-первых, он был черным, а черные коты, как известно, приносят несчастье. Во-вторых, он не умел себя вести. Он бесцеремонно громко мурлыкал и мяукал, обращаясь к своей спутнице, которая в отличие от него была рыженькой и производила впечатление вполне воспитанной Кошечки. Однако мурлыканье и мяуканье соседа, по-видимому, доставляли ей удовольствие. Она томно щурилась в его сторону и нежно мурлыкала что-то в ответ. Что именно, Трусохвостик так и не успел расслышать из-за шума двух заведенных моторов.

Пассажирский самолет № 13-13 медленно выруливал на стартовую дорожку, с которой он должен был подняться в свой тринадцатый рейс. Наконец он вырулил, круто развернулся на месте и, как бы собираясь с духом, на мгновение замер. Затем один за другим взревели оба мотора, машина рванулась вперед и помчалась по летному полю. Еще одно мгновение — и она уже повисла в воздухе, оставив далеко внизу под своими крыльями быстро уменьшающиеся постройки аэродрома.

Трусохвостик сидел ни жив ни мертв. Он вообще первый раз в своей жизни летел в самолете. Только крайняя необходимость, только неотложные дела заставили его воспользоваться этим видом транспорта.

«Ну вот я и лечу! — думал Трусохвостик, обеими лапками крепко держась за пряжку ремня, которым он предусмотрительно пристегнулся при взлете.— Теперь мне осталось только благополучно приземлиться! Если бы не противный понедельник и не тринадцатое число, я бы мог признаться, что все это в конце концов не так уж страшно. В самом деле, летают же другие...»

Немного успокоив себя, Трусохвостик попробовал осторожно выглянуть в окно. Это ему легко удалось. Откровенно говоря, землю он не узнал. Если раньше, прыгая и скача по ней, он, можно сказать, не видел дальше собственного носа, то из окна самолета он увидел землю почти всю сразу, со всеми ее лесами и полями, реками, озерами и дорогами. Это было удивительное зрелище!

«Какая несправедливость! — подумал Трусохвостик.— То, чем какой-нибудь ничтожный воробей или глупая галка могут запросто любоваться каждый день, стоит им лишь взмахнуть крыльями, мы, зайцы, можем увидеть, только купив билет на самолет!»

Не успел он так подумать, как самолет вдруг сильно качнуло. Потом его так же неожиданно подбросило вверх.

— Кажется, начинается! — прошептал Трусохвостик, почувствовав легкое головокружение.— Надо постараться заснуть. И чем скорее, тем лучше.

Трусохвостик откинулся поудобнее на спинку кресла и закрыл глаза.

Полулежа с закрытыми глазами, Трусохвостик стал думать о разных разностях. Мысли путались, громоздились одна на другую и переплетались в маленькой заячьей голове. Мерный шум двух моторов нагонял сладкую дремоту, и в один момент Трусохвостику показалось, что он уже спит. Он решил проверить, так ли это, и попробовал открыть глаза. Каково же было его удивление, когда глаза легко открылись, и Трусохвостик понял, что он вовсе не спит. Зато почти все пассажиры спали, сладко посапывая и похрапывая на своих местах. Спали Козел и Коза. Дремала Кенгуру с Кенгуренком. Доверчиво положив головку на плечо своего соседа, тихо посапывала рыженькая Кошечка. Громко храпела Хавронья. Во сне ее мучали какие-то кошмары, и она поминутно вздрагивала всем своим грузным телом. Только Мопс продолжал читать газету.

Трусохвостик выглянул в окно. Теперь самолет летел на большой высоте. Он спокойно плыл между безоблачным голубым небом и толстым слоем белых облаков, похожих на огромную заснеженную равнину.

«Вот бы хорошо попрыгать по этим мягким белым кочкам! — подумал было Трусохвостик, но тут же одумался.— Нет, лучше уж как-нибудь поскорее пролететь над ними. Кстати, интересно знать, где мы сейчас летим?»

— Обратитесь к экипажу! —

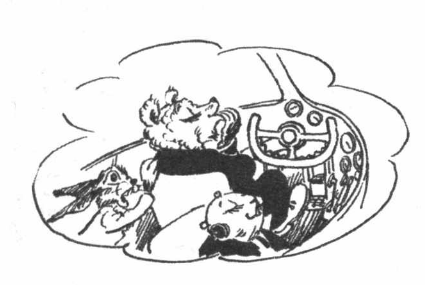
проворчал Мопс, к которому Трусохвостик рискнул обратиться с вопросом.

— А где экипаж? — вежливо поинтересовался Трусохвостик.

— Прямо, за дверью! — не очень любезно ответил Мопс.

Трусохвостик поднялся и направился в указанном направлении. Подойдя к двери, он осторожно нажал ручку и вошел в кабину экипажа.

Первое, что он увидел, настолько испугало его, что он чуть было не лишился чувств. Пилот Медведь вместо того, чтобы управлять самолетом, спал мертвецким сном. Во сне он сосал лапу, и даже шум моторов не мог заглушить его богатырского храпа. Прикорнув возле радиоприемника, так же крепко спал и его верный помощник радист Суслик. В радионаушниках что-то потрескивало и пищало, но это его нисколько не беспокоило.



— Как же так возможно? — в ужасе пролепетал Трусохвостик, и его сердце забилось так быстро, что казалось, оно вот-вот выпорхнет.— Надо их немедленно разбудить!

Но все усилия Трусохвостика были напрасны. Сколько он ни барабанил по плечу Медведя, сколько ни расталкивал Суслика, они не думали просыпаться. А самолет летел себе высоко над землей. Стрелки приборов что-то показывали. Моторы гудели. И ни один из пассажиров самолета не догадывался о том, что происходило в кабине экипажа. Дурные приметы начинали сбываться!

Выбившись из сил, Трусохвостик вернулся к пассажирам. Те уже проснулись и занимались теперь каждый своим делом: одни завтракали, другие играли в карты и шашки.

«Нам всем грозит катастрофа! Надо что-то немедленно предпринять! Нельзя сидеть сложа руки!» — С этими тревожными мыслями Трусохвостик прошел в конец самолета и машинально заглянул в багажное отделение.

Что это? Среди нескольких чемоданов и сумок, принадлежащих пассажирам, Трусохвостик увидел два парашюта.

Пассажиры очень удивились, когда Трусохвостик, прислонившись спиной к двери, ведущей в кабину экипажа, поднял лапку и попросил внимания.

— Что он хочет нам сказать? — промяукала Кошечка, наклонившись к своему соседу.

— А чего можно ждать от зайца? — презрительно фыркнул черный Кот.

Но очень скоро ему пришлось раскаяться в своих словах.

Коротко обрисовав создавшееся положение, Трусохвостик закончил свою речь словами:

— Прошу без паники! Все остаются на своих местах! Двое из нас могут попытаться спасти свою жизнь, выпрыгнув из самолета...

— А это не рискованно? — не без иронии перебил его с места старый Козел.

— На борту самолета есть два парашюта,— серьезно сказал Трусохвостик.

— Лично мы прыгать не собираемся! — в один голос заявили Козел и Коза.— Пусть прыгают те, кто помоложе!

— Я! Я! Б-буду п-прыгать! — заикаясь от страха, завопил черный Кот, срываясь со своего места и бросаясь навстречу Трусохвостику.— Да-да-айте мне п-парашют! М-мне!

Куда девалась вся его наглая самоуверенность! Шерсть на его шкуре стояла дыбом. Сам он дрожал, как осиновый лист.

— Сейчас же сядьте на место! И не заикайтесь! — приказал Трусохвостик.

Поджав хвост, Кот опустился в кресло. Теперь он уже не обращал никакого внимания на свою соседку. Он думал только о своей черной шкуре. А бедная рыженькая Кошечка тихо плакала. Но плакала она не от страха, а от стыда. Ей было стыдно за того, кто клялся ей всю дорогу в дружбе и верности, а сейчас, в час беды, оказался таким ничтожным и малодушным.

Трусохвостик по очереди обошел всех пассажиров. Но все, в том числе даже Хавронья, наотрез отказались прыгать.

— Будь что будет! — сказали они.— Может быть, Медведь еще проснется. Надо просто хорошенько попытаться его разбудить. Но прыгать... Нет, прыгать мы не будем! Это даже как-то некрасиво по отношению к остальным!

Только Кот во что бы то ни стало решил оставить самолет. Это произвело на всех такое плохое впечатление, что пассажиры в полном молчании отвернулись, когда он дрожащими лапами схватил парашют, нацепил его на себя и, что-то жалобно мяукнув, выбросился вниз головой в открытую дверь самолета.

Несмотря на усилия всех находящихся в самолете, экипаж так и не проснулся. Напрасно Хавронья хрюкала Медведю в самое ухо, рычал и тявкал Мопс, истошно блеял Козел.

А самолет все летел и летел. Стрелки приборов подрагивали на черных и белых циферблатах. В радионаушниках что-то продолжало потрескивать и пищать. Моторы спокойно гудели.



— Вот если бы...— начал Трусохвостик, когда все, окончательно выбившись из сил, собрались на маленькое совещание.

— Что если бы? — с надеждой в голосе перебила его мать-Кенгуру, прижимая к себе безмятежно спящего Кенгуренка.

— Если бы кто-нибудь из нас умел обращаться с радио!

— Я умею! — раздался тихий голосок. Это сказала Кошечка. Она уже успокоилась и даже успела привести в порядок свою намокшую от слез мордочку.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул обрадованный Трусохвостик.— Теперь мы сможем связаться с землей!..

А на земле, там, где ждали самолет № 13-13, уже давно волновались. Напрасно опытный радист Дятел настраивал радиоприемник в надежде услышать голос своего приятеля Суслика. Тот молчал. И вдруг в наушниках Дятла послышалось какое-то мурлыканье и мяуканье. Дятел прислушался.

— Говорит самолет № 13-13...

— Это ты, Суслик? — запросил Дятел.— Что случилось?

— Экипаж самолета спит,— мяукнули в ответ.

— Кто у аппарата? — удивился Дятел.

— Пассажиры!

Никогда еще Дятлу не приходилось записывать такие радиограммы.

— Перестаньте шутить! — рассердился он наконец.

— Мы не шутим,— ответил ему тот же голос.— Мы не знаем, что нам делать. Посоветуйте, пожалуйста, как нам быть?



Начальник аэродрома — видавший виды Аист — собрал у себя в кабинете экстренное совещание.

— Чрезвычайное происшествие! Находящийся в воздухе самолет № 13-13 терпит бедствие...

Но Аист не успел закончить начатой фразы. В кабинет влетел запыхавшийся Дятел. Он положил на стол новую радиограмму. Взглянув на нее, Аист не поверил глазам:

«РЕШИЛ САЖАТЬ САМОЛЕТ. ПОДСКАЖИТЕ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ. ТРУСОХВОСТИК».

Видавший виды Аист молча опустил крылья.

Прежде чем принять столь ответственное решение, Трусохвостик посоветовался с пассажирами.

— Я хочу посадить самолет! — заявил он твердо и решительно.

— И вам это удастся сделать? — проблеяла Коза.

— Я в этом не уверен,— честно признался Трусохвостик.— Но я попробую. На всякий случай давайте проголосуем мое предложение!

Все, кроме Мопса, подняли лапы.

— Вы против? — спросил Трусохвостик.

— Я воздержался,— проворчал Мопс.— Я знаю только, что мне сегодня вечером надо быть на собачьей выставке!.. — И опять углубился в чтение «Ветеринарной газеты».

Проголосовав единственное предложение, пассажиры крепко пристегнулись ремнями к креслам и замерли на своих местах.

Решив сажать самолет, Трусохвостик уселся в кресло пилота.

Перед ним и вокруг него было множество разных кнопок, ручек, выключателей, приборов, похожих на часы, и еще всякой всячины. Спящих Медведя и Суслика пассажиры давно уже вытащили из тесной кабины, и теперь они храпели в дальних креслах самолета. На них уже никто не обращал внимания. Все думали только о Трусохвостике и о его верной помощнице, которая помогала ему в такую трудную минуту.



Преданно поглядывая на самого отчаянного храбреца на свете, она ловко управлялась с обязанностями бортрадиста, переговариваясь с Аистом, который решил лично руководить столь необычной посадкой самолета.

— Вы меня понимаете? — спрашивал издалека Аист.

— Понимаем! — отвечала Кошечка и показывала Трусохвостику на ту кнопку или ручку, которую он должен был нажать или потянуть на себя.

Нельзя сказать, чтобы с самого начала все шло гладко, как по маслу. Трусохвостик нажимал случайно не на ту кнопку, и самолет почему-то начинал задирать кверху нос. Тогда Трусохвостик быстро хватался за какую-нибудь ручку, и самолет тотчас переходил в другое, не менее опасное положение.

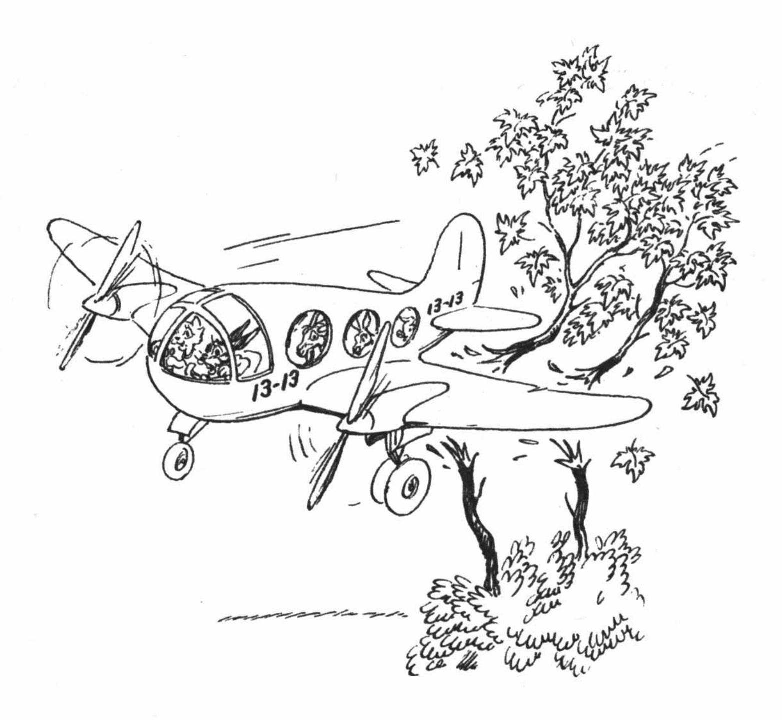
Бедная Хавронья чувствовала себя прескверно. Она наелась до отвала и теперь ужасно страдала от всех виражей и мертвых петель, которые проделывал в воздухе самолет, управляемый Трусохвостиком.

Козел и Коза, прижавшись друг к другу и закрыв глаза, не шевелились. По всему было видно, что они приготовились к худшему.

Только Кенгуренок был доволен. Он был еще маленький и ничего не понимал. Когда самолет кидало то вверх, то вниз, Кенгуренок весело смеялся. Ему казалось, что он качается на качелях.

А Мопс, самовлюбленный Мопс, продолжал читать. Впрочем, может быть, он просто делал вид, что читает. Весьма вероятно, он вообще не умел читать и держал газету в лапах так, ради пущей важности.

Тем временем Трусохвостик не



без труда освоился с профессией пилота. Надо отдать должное Аисту. За его спиной был большой опыт старого летчика, и он очень подробно и точно давал с земли указания. И если у Трусохвостика поначалу получалось не все достаточно удачно, то это ведь тоже не удивительно: есть летающие мыши, но летающих зайцев что-то мы не видели!

Наконец наступил решающий момент.

Трусохвостик облюбовал большую поляну и сделал над ней круг. Вокруг поляны рос лес. Хорошо, что это был не густой сосновый бор с вековыми деревьями, а всего-навсего небольшая березовая рощица. Но тем не менее это был лес, через который надо было перелететь, раньше чем сажать самолет на землю.

Глядя вперед, Трусохвостик вцепился в штурвал самолета обеими лапками. Он понимал, что сейчас, именно сейчас и никогда больше, все зависит от его личной выдержки и мужества.

Если бы не противный понедельник! Если бы не тринадцатое число!

— Держись, Трусохвостик! — подбодрил он сам себя и повел самолет на посадку.

— Держись, Трусохвостик! — тихо мяукнул за его спиной нежный голосок.

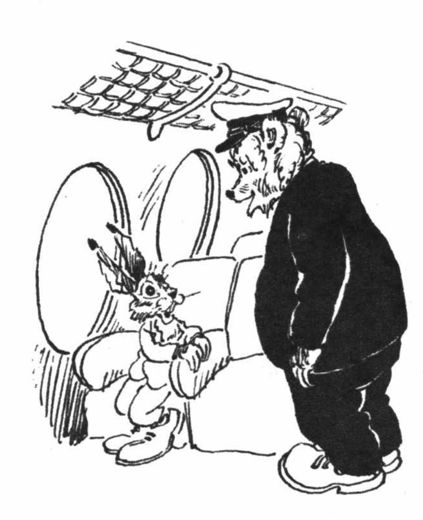
— Выручай, Трусохвостик! — прошептали все пассажиры самолета разом.

В это мгновение крылья самолета, как бритвой, срезали макушки берез у молодой рощицы. Самолет задрожал, но не развалился. Еще одно мгновение — толчок, еще толчок — и он остановился на краю поляны, упершись двумя пропеллерами в огромную копну свежего сена...

Трусохвостик потянулся и... открыл глаза. Как же он удивился! Самолет стоял на земле. Пассажиры спускались по трапу. Последними выходили из самолета черный Кот и рыженькая Кошечка. Проходя мимо Трусохвостика, она даже не взглянула в его сторону, а ее усатый спутник толкнул его своим чемоданом. Толкнул и даже не извинился.

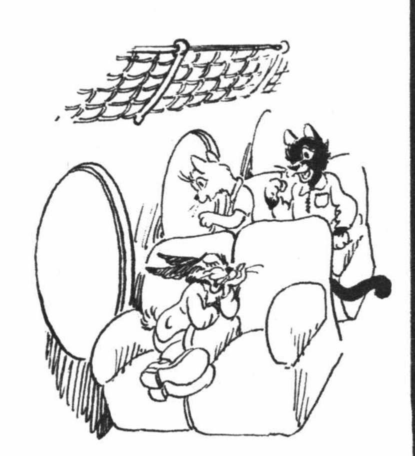
Трусохвостик сидел в каком-то оцепенении. Значит, это был сон? Значит, он не совершил никакого подвига? Ему хотелось заплакать от обиды. Но тут он вспомнил про приметы: понедельник — тяжелый день, тринадцатое число — роковое число!

— Скажите, пожалуйста, который час? — вежливо обратился Трусохвостик к проходившему мимо него большому и симпатичному Медведю в красивой авиационной фуражке.



— Тринадцать ноль-ноль! — ответил басом пилот самолета № 13-13.

С тех пор Трусохвостик перестал быть суеверным и считается среди зайцев самым разумным зайцем. Мы не скажем, самым храбрым, но если мы скажем «самым разумным», то не ошибемся...



КАК ВЫ НАЗОВЕТЕ СВОЕГО РЕБЕНКА?

Этот вопрос взволновал многих читателей журнала, мнения которых были опубликованы в № 33 «Огонька» за 1959 год и в № 6 за этот год. Редакция получила множество пожеланий, они переданы группе авторов, приступивших к созданию словаря русских личных имен. Сегодня мы заключаем наш разговор.

БЕРЕГИТЕ РУССКУЮ РЕЧЬ

С. И. ОЖЕГОВ,
доктор филологических наук

Вопрос о русских личных именах давно привлекает общественное внимание. Уж очень много появилось таких имен, которые противоречат общественному вкусу.

Казалось бы, не все ли равно, как назвать человека? Однако это далеко не так. Личное имя живет не только в паспорте или ином документе. Оно часть нашей живой речи.

Из церковных святцев народная практика отобрала наиболее подходящие имена и забраковала негодные. Никто уже не знает имен Хоздазат и Павсикахий, известных только по повести «Шинель» Н. В. Гоголя.

За последние десятилетия появилось много новых, хороших имен, но среди них встречаются и такие, которые отнюдь не украшают русскую речь.

Пришло время навести в этом деле порядок. Надо издать небольшой словарь личных русских имен.

ТАК КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ?

Лев УСПЕНСКИЙ

Судили-рядили, а вывод простой: нет «спецов», которые могли бы без промаха из волшебного ларца выбрать каждому младенцу на зубок идеальное имя. Ни у ученых-лингвистов, ни у вдохновенных поэтов нет безошибочных мерок, какое имя хорошо. Это — дело вкуса. Однако, как не следует называть детей, указать можно.

Бойтесь, как огня, имен вычурных, диковинных, небывалых, странных! Даже самые красивые из них опасны, как непристойно яркий галстук или перо на шляпке в метр длиною. Как бы вы чувствовали себя в школе, если бы вас — очень звучно! — звали Семирамидой? Не забывайте об этом!

Опасайтесь слов, с ходу превращаемых в имена: они коварны. Слово «гений» — великолепно, имя Гений — беда! В одном техникуме я почти ежедневно слышал: «Да это Гений опять здесь набезобразил!.. По успеваемости на последнем месте, как всегда, Гений...» Весело?

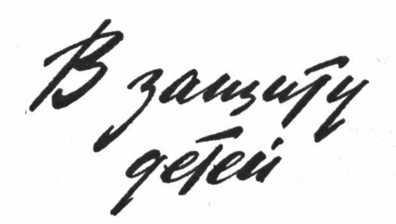
Не забывайте: платье шьется на месяцы, имя дается на десятки лет. Его губит всякий оттенок злободневности, моды, случайного, личного отношения. Я видел, в каких муках менял перед войной имя Бурлюк на имя Борис злосчастный сын одного художника-формалиста: почти двадцать лет таскал он на плечах фамилию чужого дяди, да еще футуриста. Я знал одного гражданина по имени Фордзон, то есть «сын Форда». В 20-х годах завод «Красный путиловец» в Ленинграде законно гордился выпуском первых тракторов марки «Фордзон-Путиловец». Но теперь-то мы и думать забыли о таком нашем младенчестве, а ведь еще и через пятьдесят лет по свету могут гулять, сами себе удивляясь, необдуманные Фордзоновичи и Бурлюковны. Хочется крикнуть родителям: «Хоть внучат пожалейте, коли детей не жаль!»

Имя не Робинзон, оно живет не в одиночестве. Оно сочетается с отчеством, с фамилией. Мужское само превращается в отчество. Девичье имя может потом сочетаться с другой фамилией, но ведь вы, нарекая дочурку, не можете предугадать, за кого она выйдет замуж. Ваша фамилия, допустим, Мудрых: почему бы вам не назвать дочь Идеей? Идея Мудрых... Неплохо?.. Но пройдут годы, и ваша крошка попадет в пиковое положение: «Вышла бы за Ванечку, но тогда стану Идеей Пьяных, осчастливила бы Петю, но его фамилия Поповский... Идея Поповская! Лучше уж остаться вековушей...»

Не буду уж говорить о превращении имен в отчества. Я спас нескольких младенцев: их папу всерьез хотели назвать в честь одного знаменитого кинослона Чангом... Что бы было с его бедными дочурками? Отчества-то не переменишь!

Словом, нет готовых рецептов для выбора отличных имен, есть только приметы имен плохих, негодных. Но «научить» их распознавать почти так же трудно, как научить хорошему вкусу при выборе одежды. А ведь имя — такой вид одежды, который шьется на всю жизнь.

Нет, имя не ребус-головоломка, не вывеска, не мемориальная доска, не пышный веер в руках, не косноязычная кличка. Имя — живая часть живой человеческой личности. Не забывайте об этом, когда будете нарекать имена маленьким людям, тем, кому предназначено жить в коммунистическом мире.



С. МАРШАК

Если только ты умен,
Ты не дашь ребятам
Столь затейливых имен,
Как Протон и Атом.

Удружить хотела мать
Дочке белокурой,
Вот и вздумала назвать
Дочку Диктатурой.

Хоть семья ее звала
Сокращенно Дита,
На родителей была
Девушка сердита.

Для другой искал отец
Имя похитрее,
И назвал он наконец
Дочь свою Идея.

Звали мама и сестра
Девочку Идейкой,
А ребята со двора
Стали звать Индейкой.

А один оригинал,
Начинен газетой,
Сына Спутником назвал,
Дочь назвал Ракетой.

Пусть поймут отец и мать,
Что с прозваньем этим
Век придется вековать
Злополучным детям...

«Детский сад на прогулке».

«Уточка».

НОННА РИСУЕТ

Четыре года исполнилось студии изобразительных искусств Кишиневского Дома пионеров. И столько же — Нонне Трифон, одной из самых активных участниц студии.

Нонна рисует карандашом и кистью, сама ото всей души радуясь и восхищаясь тому, что у нее получается. Такое же искреннее восхищение испытывают и зрители, глядя на рисунки Нонны — яркое, веселое отображение живой жизни.

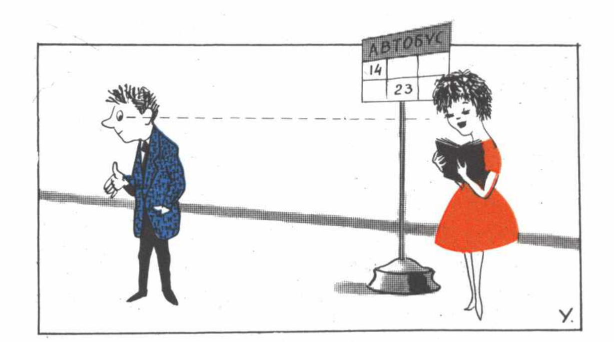
Вглядитесь: смешная «Уточка»— это ведь не просто игрушка, добросовестно перерисованная девочкой. В какую чистую, голубую воду отправляет купаться свою важно шагающую уточку юная художница! А вот «Детский сад на прогулке». Здесь у каждого свой костюм, свое лицо и даже своя собственная манера вести себя. И кругом все зелено, все дышит весельем!..

Союз художников Молдавии наградил Нонну Трифон подарком и медалью.





ЛАТАТЬ НЕ УСПЕВАЮТ.
Рисунок Ю. Черепанова.



— ПОЙДУ... КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ!
Рисунок М. Ушаца.

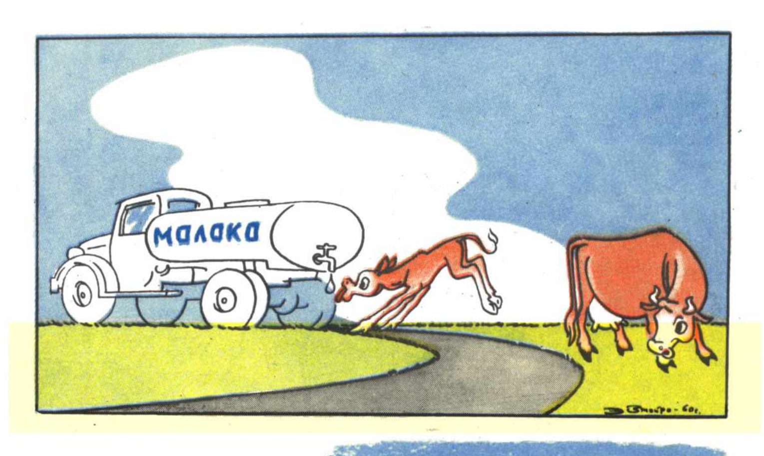

ВЕСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ.
Рисунок Е. Ведерникова.



Весенний вернисаж




СЪЕМКА НАПЛЫВОМ.
Рисунок Л. Самойлова.



ИЗМЕНА...
Рисунок Э. Змойро.

В Энском отделении Союза писателей.
Рисунок Ю. Ганфа.

— Ты меня ждешь??? Бегу!!!
Рисунок И. Массина.

Музыкальные пираты.
— На горизонте новая мелодия!
— Ограбить!
Рисунок А. Волкова.

Баскетболельщик.
Рисунок Вл. Гальбы.

— Какая нерешительность! Заставляет дожидаться!
Рисунок А. Зубова.

Первый удар.
Рисунок Г. Андрианова.

Дама с собачкой.
Рисунок А. Чумаченко.



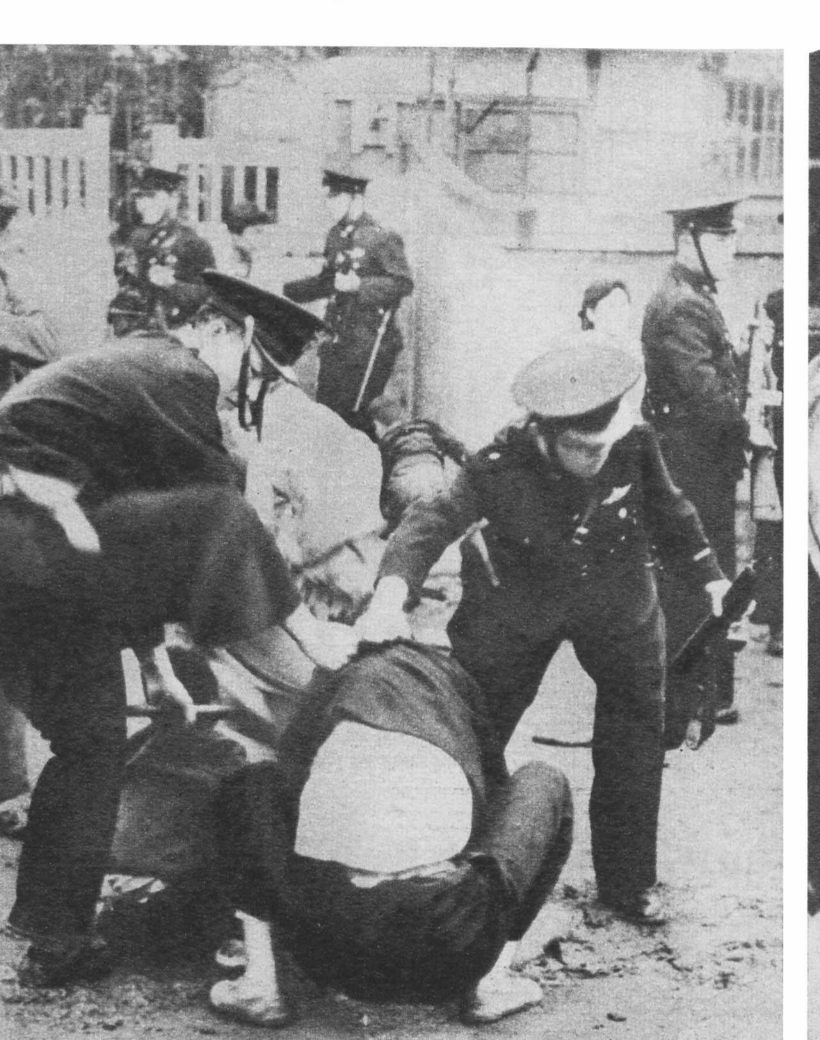
— Что-то у меня почки распустились...
Рисунок К. Невлера.

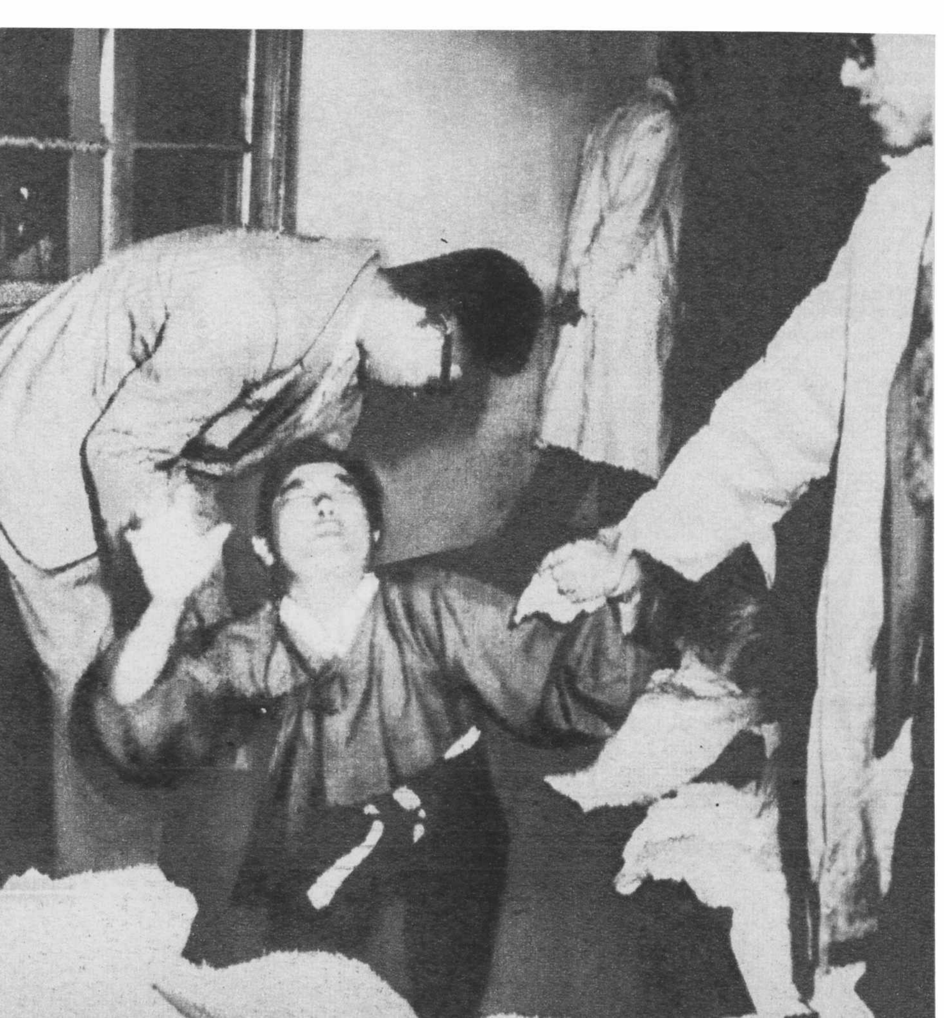


— Это единственный цветок, который мне удалось достать
Рисунок А. Семенова

Весенний вернисаж

Южная Корея: долой Ли






венадцать лет не такой уж большой для истории срок. Но он кажется бесконечно долгим, если это годы нищеты, полицейского произвола, насилий и тюрем. Именно такими были в Южной Корее годы правления Ли Сын Мана. И когда он в четвертый раз попытался взобраться на президентское кресло, ему пришлось пустить в ход «испытанные средства»: террор и репрессии, фальшивые избирательные бюллетени, открытый полицейский нажим, подтасовку результатов голосования. Так выглядели в Южной Корее «свободные» выборы 15 марта.

Но на этот раз пришел конец терпению народа, обреченного лисынмановцами на нищету и бесправие. По всей стране вспыхнули антиправительственные демонстрации. В них выразился гнев миллионов трудящихся корейцев, их возмущение кровавым режимом. Эти массовые выступления, как передавал корреспондент Ассошиэйтед пресс из Сеула, напоминали открытое восстание больше, чем какие-либо другие события на протяжении всего периода правления Ли Сын Мана.

Первые волнения начались в Масане, на улицы которого вышло несколько тысяч жителей города. Затем восстание перекинулось на Пусан, Чонжу и другие города. Южная Корея оказалась охваченной волной всенародного движения. Все силы лисынмановской полиции были брошены на подавление восстания, грозившего смести фашистский режим в Южной Корее.

19 апреля тысячи демонстрантов двинулись к президентскому особняку Ли Сын Мана. Группа студентов пыталась свалить ненавистный народу символ — воздвигнутую перед фасадом правительственного «антикоммунистического центра» статую американского генерала Макартура. Полиция открыла стрельбу по демонстрантам. Сотни людей были убиты и ранены в эти дни на улицах Сеула, Масана и других южнокорейских городов.

Даже в американских официальных кругах возникло беспокойство по поводу положения в Корее. События приняли такой размах, что американский посол в Сеуле вынужден был «посоветовать» Ли Сын Ману «урегулировать обиды».

«Урегулирование» началось с помощью пожарных машин и гранат со слезоточивым газом. Как передает агентство Франс-пресс из Сеула, полиция призналась,



что гранаты со слезоточивым газом, использованные ею для подавления мятежей, были приобретены на средства, полученные по программе американской экономической помощи. Когда же не помогли ни газ, ни пожарные брандспойты, лисынмановская полиция открыла стрельбу по демонстрантам. Скоро ей на помощь пришли войска. В Сеул была вызвана 15-я армейская дивизия с танками и броневиками. Его улицы ощетинились заграждениями из колючей проволоки. В пяти городах: Сеуле, Пусане, Тэгу, Тэчжоне, Кванчжу — было введено военное положение, которое официально было названо «чрезвычайным военным положением»; оно вводится обычно «в случае войны или аналогичного чрезвычайного положения в районах резкого нарушения общественного порядка в результате вражеской атаки или осады». Да, для Ли Сын Мана народ Южной Кореи — это враг, а народное возмущение творимыми им беззакониями — это вражеская атака, осада бастиона «свободного мира» на Востоке.

События, происходящие в эти дни в Корее, к югу от 38-й параллели, показали, что народ там поднялся на решительную борьбу против режима кровавой марионетки Ли Сын Мана. Перепуганного диктатора заставили подать в отставку.

На снимках слева:

В массовых демонстрациях в Масане участвовали студенты.

Так полиция расправлялась с теми, кто выступил против режима Ли Сын Мана.

Безгранично горе этой женщины, которая узнала, что ее сын убит во время расстрела полицией демонстрации на улицах Сеула.

Фото Ассошиэйтед пресс.



ВУЛКАН НЕ ПОГАСИТЬ

М. ЕФИМОВ

Фото Джэпен пресс.

Японию принято называть страной землетрясений и тайфунов. Японские острова систематически подвергаются тяжелым испытаниям, которые обрушивает на них природа.

Однако не об этих стихийных бедствиях мы поведем речь сегодня, в день 1 Мая. Мы расскажем о страданиях трудового люда Японии, о тяжелой и мужественной борьбе японских рабочих за хлеб, работу, свободу.

Посмотрите на эту фотографию справа. Чем можно измерить горе девятилетнего Кейдзи, потерявшего отца, 32-летнего шахтера Киеси Кубо, убитого наемниками шахтовладельцев!

Забастовки, рабочие демонстрации, локауты, кровавые столкновения стачечников с полицией — все это не сходит со страниц японской печати. Ожесточенная борьба труда и капитала не прекращается ни на минуту.

Киеси Кубо был одним из многих рабочих, которые ежедневно спускались в шахты Миикэ, принадлежавшие компании Мицуи — Кодзан. Да, да, это та же Мицуи, которая субсидировала фашистский кабинет Тодзио, развязавший войну на Тихом океане. Заправилы этого концерна вновь держат своими щупальцами важнейшие отрасли японской экономики.

Семь лет тому назад горняки Миикэ сто тринадцать дней и ночей боролись с компанией, которая и тогда собиралась провести массовое увольнение. Тяжелая, изнурительная борьба увенчалась победой. Капитал вынужден был уступить нехотя, скрежеща зубами.

В ноябре прошлого года Киеси Кубо вместе с тысячью двумястами других рабочих получил повестку об увольнении. Борьба вспыхнула с новой силой...

Горняки дали решительный отпор компании. Хозяева спешно создали желтый «профсоюз», пустили в ход штрейкбрехеров — таковы этапы этой упорной классовой схватки. Потом начались полицейские репрессии, против шахтеров были брошены банды фашиствующих молодчиков.

На фотографии вверху вы видите, как они пытаются разогнать демонстрацию бастующих.

Двадцать девятого марта шахтер Киеси Кубо был убит ударом ножа. Наемный убийца, как и следовало ожидать, остался «неизвестным». Семнадцать рабочих были тяжело ранены.

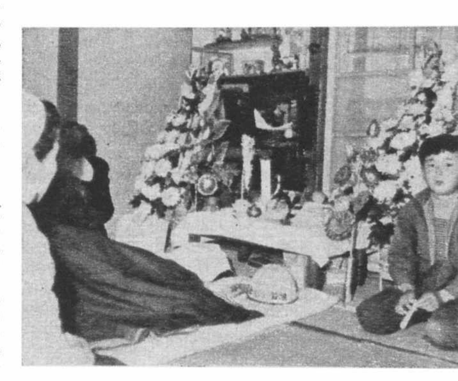
Десять тысяч горняков в едином строю выступили против кровавых злодеяний хозяев и обнаглевшей реакции. Похороны Кубо вылились в грозную массовую демонстрацию. Смерть солдата великой пролетарской армии лишь сплотила ее ряды.

Забастовка продолжалась. Рабочий класс всей Японии солидаризировался с шахтерами Миикэ.

Директор компании цинично заявил: «Мы рассматриваем тысячу двести уволенных как мертвых. Они никогда не вернутся на работу, как мертвые, которых нельзя оживить».

Да, маленькому Кейдзи нельзя вернуть отца. Однако сломить боевую волю товарищей Кубо также не в силах капитала. Схватка в Миикэ — это лишь яркий эпизод классовой борьбы, которая раздирает Японию.

...Источник тайфунов лежит вне японских островов. Стихийное бедствие можно предвидеть, к нему можно



подготовиться. Вулкан всенародного гнева кипит в самом сердце Японии. Погасить его нельзя никакими репрессиями и антирабочим законодательством. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока трудящиеся Японии не завоюют подлинную свободу для своей родины, а мир и счастье — для своих детей!




А. Хомич и Л. Яшин.

Недавно президиум Федерации футбола СССР определил 33 лучших игрока Советского Союза. Среди вратарей первым назван страж динамовских ворот Лев Яшин.

Это, несомненно, сильнейший вратарь нашей страны в течение последних лет.

Ниже мы публикуем очерк о нем.

Начиная с 1960 года редакция журнала «Огонек» устанавливает ЕЖЕГОДНЫЙ ПРИЗ ЛУЧШЕМУ ВРАТАРЮ СТРАНЫ. Этот приз будет вручаться осенью по показателям розыгрыша первенства СССР.

В ВОРОТАХ

Матвей РОЙЗМАН

Дебют

На игру с тбилисцами мастера московского «Динамо» решили впервые поставить вратарем Леву Яшина. В это время стяжавший себе славу Алексей Хомич был болен. И все же он, с тугой повязкой на плече, пришел к воротам. Там стоял его «подшефный» Яшин и волновался.

— Успокойся! — сказал ему Алексей.— Ходи! Ходи! Мяч пока у тбилисских ворот.

Действительно, на пятидесятой секунде игры Трофимов быстрым рывком ворвался на площадку тбилисцев и послал мяч в их ворота. Через три минуты Бесков, пройдя по центру, вбил второй мяч. Очнувшись от таких сюрпризов, тбилисцы ринулись в атаку.

— Ты очень напрягаешься! — говорил Хомич Яшину. — Следи за игрой, Лева! Видишь, Бережной ведет мяч! Сейчас будет низовой справа!

И верно, Бережной пробил в ворота справа, и Яшин в броске взял мяч.

До конца первой половины игры Яшин играл уверенно и смело. Счет так и остался 2 : 0.

В перерыве в раздевалке динамовцы всячески ободряли молодого вратаря, обещая, что команда соревнование не проиграет. Хомич повторил Яшину характеристики тбилисских нападающих, упомянул об их скорости, силе удара, обманных движениях. Лева сидел, окруженный мастерами-футболистами. После отдыха он вышел на поле уверенной походкой.

Вторая половина игры началась с того, что вратарь тбилисцев вынул забитый Бесковым мяч из сетки. Счет стал 3 : 0. После этого южане дважды приближались к воротам москвичей, но молодой вратарь ловко перехватывал мяч.

И вдруг судья назначил в ворота москвичей одиннадцатиметровый удар.

— Спокойно, Лева, — сказал Яшину Хомич. — Пробьют слева низом. Следи за направлением.

Яшин опоздал с броском. Мяч влетел в сетку. Вскоре, однако, счет стал 4 : 1 в пользу столичных футболистов.

Но именно после этого мяча, который, казалось, неотвратимо закреплял победу москвичей, тбилисцы начали яростно штурмовать ворота. Яшин едва успевал ловить мячи, и все же он пропустил два гола. Вратарь заволновался, и только спокойные замечания Хомича удерживают его от ошибок.

— Они же передохнуть не дают! — жалуется Лева.

— Не бойся! — отвечает Алексей. — Приготовься! Выходи!

Яшин продолжает цепко играть. Южане снова атакуют, и сильный мяч летит в ворота. Яшин в броске ловит его, но, падая ничком, ударяется о штангу и пересекает линию ворот с мячом в руках. Судья свистит: 4 : 4!

У Яшина прерывается дыхание. Хомич приподымает его и вместе с доктором уводит с поля. В ворота становится В. Саная.

В раздевалке Яшина укладывают на диван. Хомич снимает с себя пиджак, подкладывает под голову молодому вратарю.

— Ну скажите, что я мог сделать? — тихо спрашивает Лева.

— Ни один вратарь не взял бы три последних мяча! — отвечает Хомич. — Ты сыграл молодцом!

А тут уже приходит весть о том, что состязание кончилось и Бесков забил тбилисцам пятый гол: 5 : 4!

Путь к футболу

Девятнадцатилетний Яшин понравился команде: скромный, застенчивый. Он как бы самой природой был создан для того, чтобы быть вратарем: высокий, худой, длиннорукий. Биография его была обычной: мальчиком катался по двору на коньках, ходил на лыжах по дорогам Богородска, летом прыгал с вышки в воду на спортивной базе «Красный богатырь». Вместе с ребятами стал играть на дворе в футбол, неизменно стоя вратарем.

Он учился, потом поступил на завод, продолжая играть в футбол.

Однажды тренер А. Чернышев увидел в Химках Яшина, игравшего в хоккей. Он пригласил молодого парня в «Динамо» и поставил сначала в хоккейные, а затем в футбольные ворота.

Я спросил у старшего тренера М. Якушина о молодом игроке.

— Вы сами поглядите сейчас! — улыбаясь, ответил он.

По его знаку знаменитые динамовские «бомбардиры» стали посылать мяч в ворота, в которых стоял Яшин. Мяч звенел от ударов, свистел в воздухе. Я думал, что такое испытание не под силу и опытному вратарю, а Яшин спокойно и, главное, правильно ловил мячи на грудь, делал броски, прыжки.

— Видите, какая реакция на мяч? — сказал Якушин. — А поглядите, какие у него руки! Он достанет мяч в любом месте!

Нужно знать скупого на похвалу Якушина, чтобы по достоинству оценить эти слова.

Он не ошибся! Чем дольше я наблюдал игру Льва Яшина на разных состязаниях, тем сильней убеждался в этом. Постепенно в нем вырабатывалась уверенность, родились смелость, решительность и точность — неотъемлемые качества первоклассного вратаря.

Да, он воспитывался в коллективе «Динамо», проникался их традициями, учился и у А. Хомича и В. Саная, вникал в игру таких вратарей, как А. Акимов, Л. Иванов.

Новые приемы вратаря

Нужно играть не только в воротах, но и в пределах всей штрафной площадки. Каким образом? Выбегать из ворот, оставлять их открытыми? Единственный выход — подобрать надежных защитников, сыграться с ними, сдружиться, и тогда...

С помощью Якушина так и получилось: перед воротами встали три опытных защитника — Кузнецов, Крижевский, Кесарев! Ворота московского «Динамо» превратились в крепость, а Лев Яшин — в ее коменданта!

Были-небылицы

Рисунки Л. Самойлова.



— Персонального транспорта хоть отбавляй, а гаража нетути!

Баба-яга:— Причешите меня «под колдунью»!

— Емеля, Емеля, не отпускай меня в воду, больно она грязная!

ЛЕВ ЯШИН

Он стал командовать своими защитниками. Конечно, для этого надо не только хорошо знать футбольную игру, но и предугадывать ходы противника. И Яшин это умел делать.

Спортивные противники были ошеломлены игрой Яшина: он играл и руками и ногами на всем участке большой штрафной площадки, выбегал навстречу форвардам, «снимал» мячи с их ноги, перехватывал передачи с краев, отбивал верхние и нижние мячи.

Эта смелая игра на штрафной площадке и привела к тому, что Яшин до тонкости разработал новые приемы вратарской игры, новую тактику в обороне своих ворот. Недаром его искусство не раз спасало и ворота московского «Динамо» и сборную команду Советского Союза.

А ведь сколько раз приходилось ему играть за рубежом, и какого высокого класса нападающие готовились взять его ворота!

Мы говорим об этом, сидя в квартире Льва Яшина. Сейчас он готовится к поступлению в школу тренеров...

— Кого из нападающих вы считаете самым сильным и опасным?

Яшин перечисляет широко известных миру игроков. Копа? Но, по совести, наш вратарь не запомнил, чтоб этот нападающий послал ему в ворота какой-нибудь неотразимый мяч. Австриец Буцек? Да, Яшин его помнит! Буцек в Буросе (Швеция), в дни чемпионата мира бил пенальти в ворота Яшину, но наш вратарь поймал мяч. Англичанин Кеван? Этого англичанина Яшин запомнил...

Это было два года назад в красивом шведском городе Гетеборге, где начинался чемпионат мира по футболу.

Наша сборная СССР играла против сборной Англии. Кеван очень беспокоил Яшина, но наш вратарь с честью выходил из трудных положений. Все же этот таран сумел головой послать мяч в верхний угол ворот. Счет первого матча был 2 : 2. После дальнейших игр выяснилось, что командам Англии — СССР нужно было вновь встретиться, чтобы определить, кто же должен продолжать борьбу в финальной пульке.

И вот начался поединок, который надолго запомнят любители футбола. Центральный нападающий англичан — игрок большого роста — Кеван, завершая комбинации своих нападающих, часто прорывался к воротам нашей команды, а Лев Яшин молниеносно выбегал навстречу тарану и лишал его возможности сделать решающий удар.

Конечно, это только подогревало Кевана, и под аплодисменты зрителей он начал еще чаще прорываться на штрафную площадку советской команды. Но каждый раз Яшин обезоруживал его своим высоким вратарским мастерством. Был случай, когда Кеван с нескольких метров послал, казалось, неотразимый мяч. И зрители и футболисты ждали неминуемого гола. Но нет! В резком прыжке Яшин отбил мяч. Игра закончилась 1 : 0 в пользу СССР.

На следующий день все шведские газеты, а потом и зарубежные посвятили Яшину статьи, в которых щедро осыпали советского вратаря похвалами.

Разумеется, у Льва Яшина, не раз выступавшего в Лондоне, Стокгольме, Париже, Риме, Берлине, Будапеште и других столицах мира, таких эпизодов немало. Но сам он о них не любит говорить.

Лев Яшин, несмотря на свою мировую славу, остался все таким же скромным, даже чуть-чуть застенчивым!



Лев Яшин берет трудный мяч.

Фото А. Бочинина.



— А король-то в нейлоне!

У лукоморья дуб зеленый...





— Сестричка Аленушка, хлебну я водицы из копытца, автоматы ведь не работают...

Уральскому театру сто лет

На главной улице города — бывшей большой Михайловской, а ныне имени Сталина — что ни дом, то памятник истории, либо очень далекой, либо недавней, но все равно глубоко волнующей. Идешь и невольно останавливаешься, читая скупые надписи: здесь останавливался Пушкин... Даль... Жуковский... Жил Крылов... Находились в ссылке Шевченко, Плещеев. Был штаб дивизии Чапаева...

А над самой рекой, будто замыкая черту города, высится старинный, строгой постройки собор. Это тоже достопримечательность. Говорят, здесь собирался венчаться со своей второй женой, казачкой Устиньей, Емельян Пугачев. Кто утверждает: венчанье состоялось, — кто оспаривает: заупрямился, мол, поп, не захотел совершить церковный обряд над «крамольником», поднявшим крестьян на войну, которая потрясла всю Россию. Недаром же монаршим указом от 16 января 1775 года повелевалось «для совершенного забвения сего на Яике последовавшего неприятного происшествия» и самую реку Яик переименовать Уралом, — по причине той, что «оная река протекает из Уральских гор», и Яицкий городок впредь Яицким не называть, «а называть отныне Уральск». Скрепляет этот указ властно-размашистая, до сих пор четкая на пожелтевшем листке собственноручная подпись: Екатерина.

Итак, мы в Уральске...

Сколько же событий прошумело над этим городом!.. Но человеческое забвение не поглотило память о них. Напротив, многие события как бы заново ожили на сцене областного театра, который 7 мая 1960 года отмечает свой столетний юбилей.

В одном из жестоких сражений гражданской войны утонул в реке Урал тяжелораненый Чапай; погибли близкие его соратники. А многие участники легендарной многодневной обороны Уральска остались живы. Не раз собирались они в театре, когда начал коллектив готовить к постановке пьесу местного драматурга В. Генке «80 дней». Приветливо встречали актеры и директор театра Н. Ангаров поседевших бойцов, которые то со смехом и доброй шуткой, а то и в остром споре придирчиво обсуждали исторические коллизии, воплотившиеся в замысле драматурга. Постепенно — с помощью очевидцев и участников обороны Уральска — этот замысел оттачивался, уточнялся, и пьеса прошла на сцене театра с успехом. Ее показывали в совхозах и колхозах целинных районов, в рыбацких затонах, на предприятиях города наряду со спектаклями «Третья патетическая», «Веселка», «Дмитрий Стоянов», «Два цвета», пользующимися большой любовью зрителей.

Театр в Уральске существует уже сто лет. Правда, долгое время он был (об этом свидетельствуют фотокопии газеты «Уральския войсковыя ведомости») достоянием лишь немногих жителей города, главным образом чиновников и купечества. В 1898 году корреспондент газеты страстно мечтал о времени, когда посетителями театра станет и «серая» публика: «рабочие, солдаты, «молодцы» из магазинов и лавок, казаки, приказчики, учащиеся, татары...»

Мечта эта, впрочем, казалась ему несбыточной, и, пытаясь приблизить ее, он предлагал... устроить в театре побольше «стоячих» мест.

Как хотелось бы побывать нынче в театре вместе с этим корреспондентом! Вероятно, всего больше поразили бы его даже не «сидячие» места — 720 бархатных кресел, где рассаживается «серая» публика, а самый ее облик. Несказанно удивился бы он, почувствовав теснейший духовный и культурный контакт простых трудовых людей и серьезную их творческую дружбу.

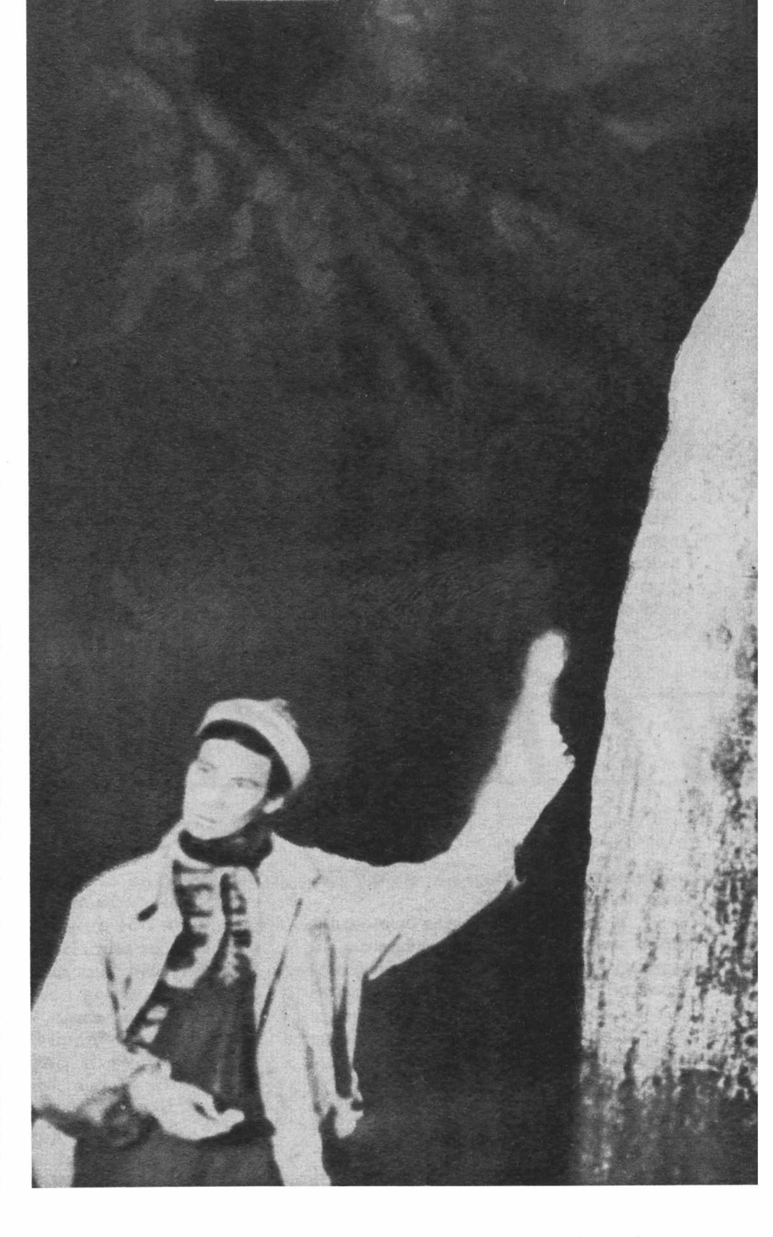
Русские и казахи, киргизы и татары, учащаяся молодежь и старые производственники, покорители целины, члены бригад коммунистического труда не просто проводят в театре часы досуга, но постоянно черпают здесь любовь к прекрасному, к жизни...

Н. ТОЛЧЕНОВА.

К столетнему юбилею в Уральском областном театре ставят «Грозу». В роли Катерины зрители увидят актрис Н. Иванову (слева) и Т. Денщикову. Постановка осуществлена главным режиссером театра Н. Лукиным, художник — Б. Астахов.

Фото Д. Ухтомского.





РАЗВЕДЧИКИ ПОДЗЕМНЫХ РЕК

Ю. ГУРЬЕВ

Фото В. ДУБЛЯНСКОГО.

Каменная теснина заставляла Константина Аверкиева пробираться то боком, то ползком. Ему, спелеологу — подземному альпинисту, доверили обследование нового прохода. Кто знает, что там дальше? Продолжение извилистых галерей, бездонный провал или снова тупик?..

Уже давно люди пытаются проникнуть в тайну Кизил Коба — гигантских Красных пещер в окрестностях Симферополя. Еще в 1843 году был составлен первый глазомерный план главной галереи. Там, вырвавшись из каменных теснин, протекает полноводная пещерная река, которая затем снова уходит в камень, срываясь в неведомую пропасть. Еще никому не удалось пробраться к нижнему течению этой подземной реки.

Тщетны были и попытки карстологической экспедиции Академии наук УССР и крымских любителей спелеологии. На пути подземных альпинистов появлялись то узкие щели, то так называемые сифоны — обводненные до сводов галереи, в которых вода, смешанная с вырвавшимся из глубин воздухом, бурлит, как в огромном кипящем котле.

Но вот недавно К. Аверкиев вместе с альпинисткой Инной Бакулиной нашел на берегу подземной реки каменную, с ровными краями воронку, которая была плотно забита обломками известняка.

Когда воронку расчистили, удалось обнаружить начало галереи, своды которой, спускаясь в глубину, терялись во мраке.

— Возможно, это ключ к тайне Красных пещер,— сказал руководитель спелеологов Борис Иванов.— Кому, как не первооткрывателям, принадлежит право повернуть этот ключ!..

И вот Аверкиев здесь, в небольшом известковом гроте, куда вывел его новый проход. Предохранительная веревка, обвязанная вокруг пояса, натянулась: следом подходят товарищи — ученые и спортсмены из Симферопольского клуба туристов. После короткого привала снова в путь.

Проход сузился. Всего 40 сантиметров от сводов до пола. Острые выступы рвут одежду.

Внезапно фонарики осветили край пропасти.

— Логово демонов! — Инна Бакулина заглянула в мрачный зев провала.

— Назовем его «Шаманье горло»,— решили спутники.

За «горлом» начались просторные залы. Искусный ваятель — природа придала им вид сказочных дворцов. Каменные натеки срастались в прозрачные, ослепительно белые колонны. С потолков причудливо ниспадали известковые занавесы. Геликтиты (разновидность спускающихся вниз сталактитов) то сплетались в тонкую затейливую паутину, то в форме пещерных «бус» нанизывались друг на друга жемчужными шариками.

Продвигаясь под землей, спелеологи давали названия своим открытиям: Китайский, Индийский, Академический залы. Последний особенно поражал размерами. Своды купола терялись во мраке, а среди раскинувшихся амфитеатром каменных глыб лежало прозрачное, едва приметное во тьме озеро.

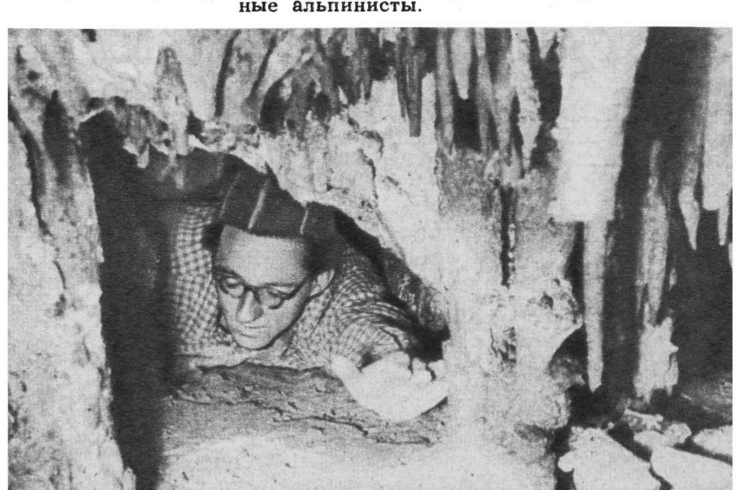
Вскоре за тем просторная галерея привела к продолжению пещерной реки. Надута резиновая лодка, начинается недолгое подземное плавание, и снова путь преграждает широко разлившийся сифон. Путники пробовали нырять, но достигнуть противоположного берега подземной галереи им не удавалось. Очевидно, подземная река полностью затапливала пещеру.

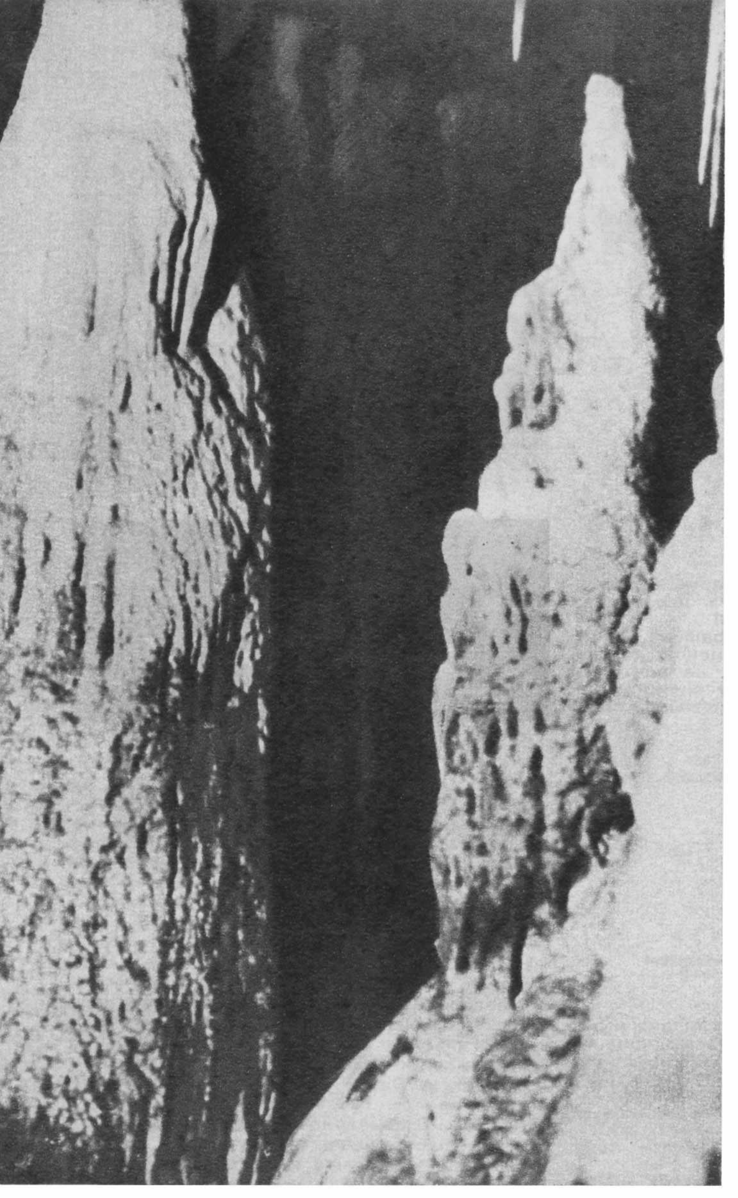
— Не может быть!—убежденно говорил Борис Иванов.— По-моему, сифонное озеро — лишь залив пещерного потока.

Действительно, бурное течение на верхнем участке реки наталкивало на мысль, что в неведомых глубинах пещеры есть достаточно просторные полости, не заполненные водой.

И вот однажды Инна Бакулина и гидрогеолог Виктор Дублянский, направившись в «Новый ход» для очередных наблюдений за сифоном, в изумлении остановились у «Шаманьего горла». Из щели с ревом рвался тугой поток воздуха. Прибор показал, что скорость ветра 8 метров в секунду.

По узким проходам продвигаются спелеологи — подземные альпинисты.





Огромный сталагмит напоминает заснеженную ель.



Через подземное озеро в гидрокостюме.

— Значит, сифон проходим! — убежденно и радостно заявил Борис Иванов.

Знаток крымских пещер оказался прав. Стоял октябрь, когда дождей сравнительно мало. Поэтому уровень реки, питаемой наземными водами, спал. Одновременно снизился и уровень сифонного озера, образовав полое пространство, по которому из глубин пещеры рвался воздушный поток.

Альпинисты прорубили в камне сточные канавы—дренажи, чем помогли усилить сток воды. Увеличив образовавшееся над водой пространство, они смогли продолжать путь на надувных лодках.

Впереди в зыбком свете фонариков открылся низкий берег. Да, в действительности сифон оказался заливом изменчивой пещерной реки. Его назвали «Северной гаванью».

Река протекала неподалеку. Вначале пенная, бурная, она уже через сотню метров успокаивалась и величаво плыла под сводами гигантских обвальных залов. Затем поток снова врубался в камень, бурлил, прокладывал себе путь вперед, на север.

Проследив по карте направление, исследователи решили, что пещерные воды питают одну из главных артерий Крыма — Салгир.

— Посмотрите! — Дублянский осветил одну из обвалившихся стен.— Вот где тайна Красных пещер!

Белую громаду известняка прорезали буроватые, равномерно расположенные пласты. Такой «слоеный пирог» часто встречается на поверхности, там, где вода подтачивает горные породы. Бурые прослойки — это мергели, естественные водоупоры.

— Пласты расположены наклонно,— продолжал Дублянский.— С юга на север. С юга на север текут и крымские реки...

Исследования Кизил Коба еще раз доказали правильность предположений ученых. Поверхность горного Крыма напоминает гигантскую известковую губку, которая жадно впитывает обильные дожди, выпадающие над перевалами. Подземные водоупорные слои, подобно трубам, направляют потоки воды с юга на север. И потому на севере Крыма избыток влаги, а на солнечном юге, обильном курортами и виноградниками, летом трескается от сухости земля. Явно несправедливо распорядилась природа.

Человек должен исправить ее ошибку.

...Шаг за шагом пробирались люди в глубины «Засифонного хода». Фонарики выхватывали из мрака волшебные картины. На сводах и стенах трепетно мерцали мириады тонких известковых иголочек, звезд, сосулек. Кто-то прикоснулся к ним, и безмолвие сменилось мелодичным звоном.

Кое-где с полов поднимались причудливые, льдисто сверкающие натеки — сталагмиты. Один, самый большой, походил на заснеженную ель, другой — на крошечного одногорбого верблюда. Река постепенно замедлила бег. Снова стало возможным плыть на лодках.

— Не нравится мне такое спокойствие! — заметил опытный «пещерник» Дублянский. Он не ошибся. После 1 200 метров «Засифонный ход», как и предшествовавший ему «Новый», расширился. В глубоком озере своды опять скрылись под водой. Продолжать путь можно было только с помощью аквалангов.

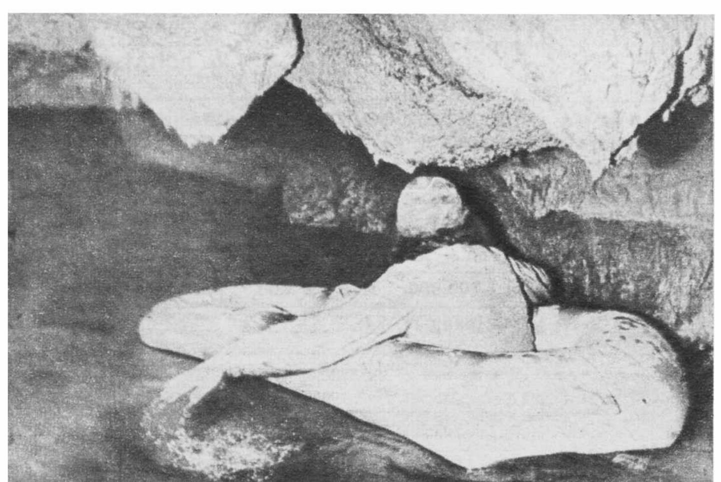
Спустя год, подготовив специальные средства, группа разведчиков во главе с Дублянским взяла и эту преграду.

— То, что открылось нам, трудно передать словами,— рассказывали подземные разведчики.— Залы, пропасти, каменные барьеры поражали своими размерами.

Исследования крымских спелеологов уже дали много ценного для науки и народного хозяйства. Сейчас на северных склонах Ялтинских гор, близ местечек Ключевое и Счастливое, идет строительство крупной ирригационной системы. Сотни машин сооружают гигантскую, высотой в 56 метров земляную перемычку. Она запрет воды горных рек в обширном котловане «Ялтинского моря».

От него через скальную толщу Главного Крымского хребта прокладывается туннель длиною в 7,2 километра. В 1962 году по этому туннелю побежит искусственная подземная река, которая в обилии снабдит Южное побережье водой.

На резиновой лодке по подземной реке.



СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАРТИНКИ

Рисунки Ю. ГАНФА.



В издательстве XVI века.

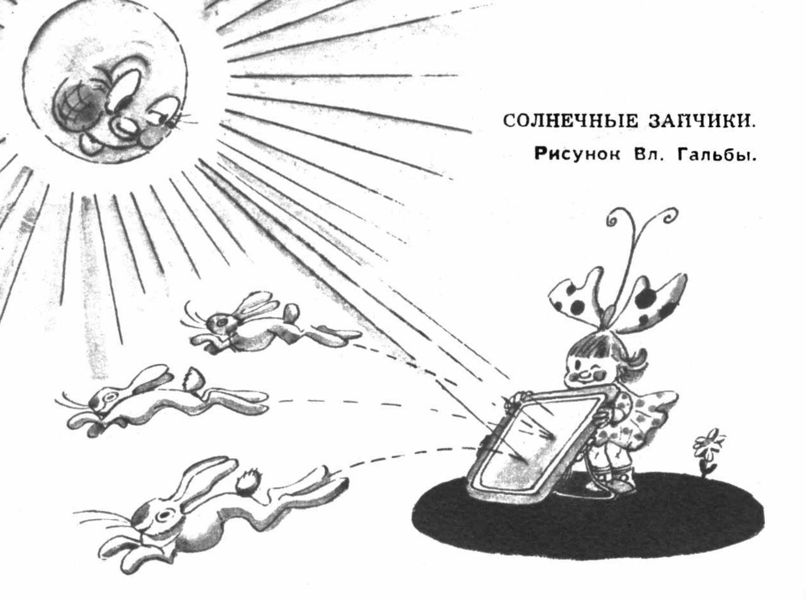
— Пожалуй, из этих двух авторов благоразумнее будет обругать рукопись того, худого. У другого мы вряд ли найдем слабые места...



— Сын мой! Ты пять лет воевал за освобождение гроба господня! Господь бог в награду совершил чудо, послав тебе два года назад сына.

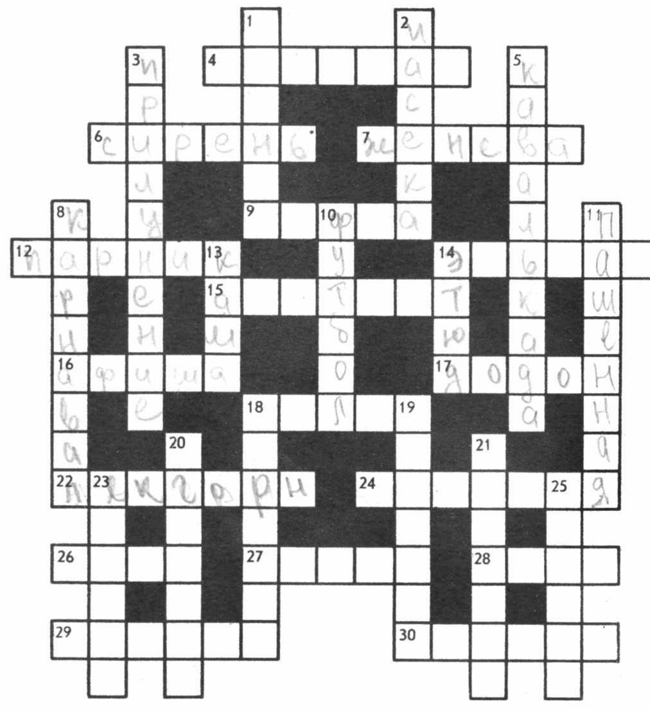
Из неопубликованных похождений Д'Артаньяна.





СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ.
Рисунок Вл. Гальбы.

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Автор картины «Весна — большая вода». 6. Садовое дерево или кустарник. 7. Город в Швейцарии. 9. Звуковой повтор в конце стиха. 12. Сооружение для выращивания рассады и ранних овощей. 14. Историческая провинция во Франции. 15. Полудрагоценный камень. 16. Театральное объявление. 17. Персонаж «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. 18. Танец. 22. Порода кур. 24. Вид сатирической и юмористической литературы. 26. Русский архитектор, автор проекта Большого театра. 27. Озеро в Казахстане. 28. Морское животное. 29. Великан, исполин. 30. Точка орбиты планеты, наиболее удаленная от Солнца.

По вертикали:

1. Рыболовное судно. 2. Пчеловодное хозяйство. 3. Момент соприкосновения ракеты с естественным спутником Земли. 5. Группа всадников. 8. Гулянье. 10. Спортивная игра. 11. Народная артистка СССР. 13. Самый крупный приток Волги. 14. Набросок с натуры. 18. Разновидность. 19. Сцена в одном действии А. П. Чехова. 20. Соединение нескольких разнотипных машин. 21. Певчая птица. 23. Гриб. 25. Европейское государство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 17

По горизонтали:

4. Нормандия. 6. «Камаринская». 9. Лотос. 12. Актау. 14. Шагинян. 16. Цеце. 17. Леон. 18. Лепешинская. 19. Ясли. 20. Стая. 21. Адвокат. 24. Шилка. 26. Шахир. 27. Хореография. 29. Теннисист.

По вертикали:

1. Ярмарка. 2. Сани. 3. «Одиссея». 4. Нюанс. 5. Явата. 7. Коменский. 8. Дарование. 10. Обелиск. 11. Филидор. 13. «Коляска». 14. Шипка. 15. Накат. 22. «Деревня». 23. Аджария. 25. Апорт. 26. Шрифт. 28. Гриф.

Короткие сказки

Ф. КРИВИН

Рисунки М. Ушаца.



ФИЛАТЕЛИЯ

— Ах, Марка! Что за Марка! — восхищаются толстые альбомы.— У нас таких нет! Куда нам до таких марок!

Заграничная Марка обескуражена. У себя на родине она шла за бесценок, да еще и потрудиться приходилось на почте, а здесь — подумайте! — ее сразу оценили, поместили в лучший альбом, освободили от всякой работы...

Марке это нравится.

Марка начинает себя уважать.

Марка считает, что теперь она нашла свое место в жизни.



ГИРЯ

Понимая, что в делах торговли она имеет некоторый вес, Гиря восседала на чаше весов, иронически поглядывая на продукты.

«Посмотрим, кто перетянет!» — думала она при этом.

Чаще всего вес оказывался одинаковым, но иногда случалось, что перетягивала Гиря. И вот чего Гиря не могла понять: покупателей это вовсе не радовало.

«Ну, ничего! — утешала она себя.— Продукты приходят и уходят, а гири остаются!»

В этом смысле у Гири была железная логика.



ПУСТАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ

Гладкий и круглый Бильярдный Шар отвечает на приглашение Лузы:

— Ну что ж, я с удовольствием! Только нужно сначала посоветоваться с Кием. Хоть это и пустая формальность, но все-таки...

Затем он пулей влетает в Лузу и самодовольно замечает:

— Ну вот, я же знал, что Кий возражать не станет...



ПЕСТ В ОТСТАВКЕ

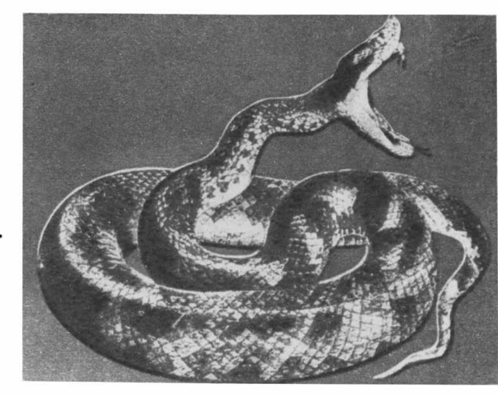
Старый, разбитый Пест, непригодный к дальнейшей работе в Ступке, остался на кухне в качестве разнорабочего: забивает гвозди, взвешивает продукты, выполняет различные мелкие поручения. Он значительно подобрел и даже подружился с Рафинадом, к которому прежде был беспощаден.

— Я понимаю, как вам приходилось несладко,— часто говорит он кускам Сахара.— Жизнь меня научила многому.

Но если бы жизнь, о которой говорит Пест, дала ему возможность вернуться в Ступку, то...

Впрочем, пусть об этом беспокоится Сахар.

Ужгород.



БИЧ МАРТИНИКИ

Как-то управляющий одной фермой на острове Мартиника обратил внимание на необычную тишину в доме. Высадив дверь, он оцепенел. Хозяин и хозяйка были мертвы, а у их ног шипела большая змея, выставив вперед треугольную, как наконечник копья, голову... Супруги Андерберг — еще одна жертва проклятия, которое вот уже более века тяготеет над Мартиникой в образе ядовитой южноамериканской змеи, «змеи-копья», как ее здесь называют. А ведь когда-то на острове не было ядовитых змей.

На заре XIX века тысячи негров-рабов, вывезенных из Африки, доставлялись в порты Антильских островов, в том числе и на Мартинику, и здесь их продавали богатым колонистам. Рабов отправляли на плантации сахарного тростника. Многие из них убегали и скрывались в лесах. Время от времени рабовладельцы устраивали «охоту» на негров, но беглые оказывали отчаянное сопротивление. Тогда колонизаторы придумали поистине изуверское средство. Из Бразилии они вывезли и пустили в леса Мартиники несколько сот ядовитых змей.

«Змея-копье» достигает длины двух метров и толщины с человеческую руку. Ее серая переливчатая чешуя почти неразличима среди переплетенных корней. Ловкая и бесшумная, она нападает с молниеносной быстротой.

За несколько лет сотни бежавших рабов нашли смерть в лесах. Однако прошло не так много времени, и бесчеловечное оружие обратилось против самих колонизаторов: «змея-копье» расплодилась и наводнила не только леса, но и плантации и даже дома.

«Бесшумная смерть» стала национальным бедствием. Были приняты чрезвычайные меры. Работы на плантациях начинались лишь после прочесывания полей, в садах уничтожалась растительность, в зданиях каждый вечер тщательно осматривали укромные углы. За каждую убитую змею выплачивалась денежная премия.

По просьбе поселенцев на Мартинику завезли несколько мангуст. Однако этот воинственный зверек не захотел помериться силами со «змеей-копьем». Впоследствии обнаружилось, что у мангуст нет иммунитета от яда американских змей. Не оказала никакой помощи и африканская птица-секретарь. Натуралисты объяснили: птица-секретарь охотится днем, тогда как эта змея — ночное пресмыкающееся.

Колонисты предали огню целые лесные районы, некоторые сожгли даже собственные плантации. Казалось, что все средства исчерпаны. В 1902 году произошло мощное извержение вулкана Мон-Пеле. Две трети острова превратились в гигантское кладбище...

Однако и сейчас населению Мартиники приходится расплачиваться за преступление рабовладельцев.

Ю. ЛОПАТИН

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05609. Подписано к печати 26/IV 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 608. Заказ № 1082.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

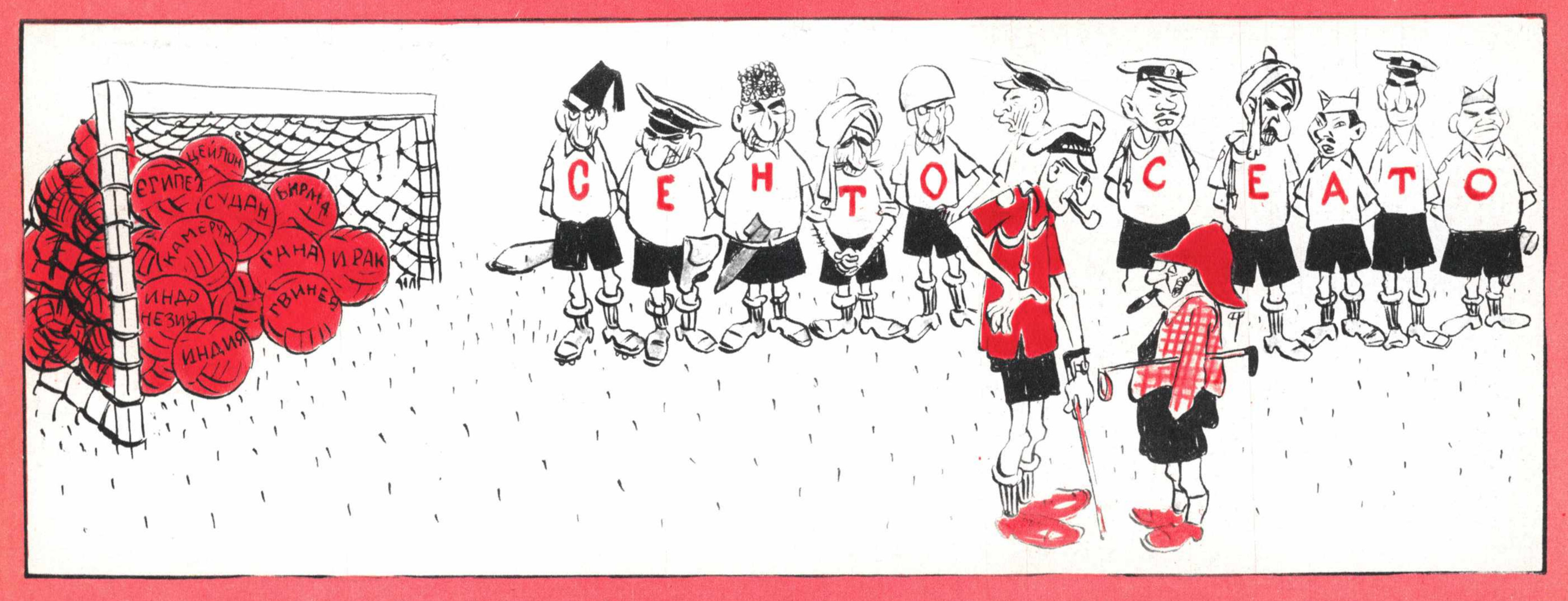
Весенняя серенада в Париже.

Холодный компресс на горячую голову.

— Господа, я ухожу в запас, но в случае чего всегда могу дать прикурить.

— Что-то мы все время проигрываем. Очевидно, требуется изменить тактику и сменить название...

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.




Цена номера 3 руб.
1
МАЯ